

ПАМЯТИ МОЕГО НЕЗАБВЕННОГО ЛЕВЫ
ПОСВЯЩАЮ ЭТОТ ТРУД.

I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

«Наши тогдашние революционные теоретики, к числу которых принадлежал и пишущий эти строки, метались в безнадежных противоречиях. Этих противоречий нельзя было преодолеть, не сломав хребта самому бакунизму».

Плеханов. «Первые шаги социал-демократического движения в России».

Социал-демократическое движение в России возникло на развалинах революционного движения 70-х и начала 80-х годов. К этому времени перед наиболее вдумчивыми представителями революционного движения обнаружилась полная теоретическая и практическая несостоятельность господствовавших в России революционных направлений. И «землевольчество», сохранившее «в чистоте» знамя бакунизма, и «народовольчество», в основном оставшееся верным учению Бакунина, но пытавшееся его сочетать с русским бланкизмом — ткачевизмом, зашли в тупик и разлагались под тяжестью внутренних противоречий.

В чем же выражались эти противоречия?

В том, что теория, на которой строили свою революционную практику революционеры 70-х годов, не соответствовала экономике русской действительности. Она отражала не *действительные*, не объективные процессы экономического развития, а *воображаемые*, субъективные. Она принимала «желаемое» за «сущее».

Эта теория, на которой была построена практика революционного движения 70-х годов, покоилась на учении Бакунина, от которой сильно отдавало духом славянофильства. Правда, Бакунин не опустился до реакционных славянофильских противопоставлений «гнилого Запада» «святой Руси». В своей книге «Государственность и анархия» Бакунин отмежевывается от славянофилов, когда пишет: «Настоящий патриотизм — чувство, разумеется, весьма почтенное, но вместе с тем узкое, исключительное, противочеловеческое, нередко просто зверское. Последовательный патриот только тот, кто, любя страстно свое отечество и все свое,

так же страстно ненавидит все иностранное, ни дать, ни взять как наши славянофилы»¹.

Но наряду с этой правильной оценкой славянофилов у Бакунина можно найти ряд высказываний, свидетельствующих о том, что он до конца дней своих не освободился от элементов славянофильства. В своей борьбе с Марксом и Энгельсом он договаривается, например, до таких заявлений: «Мы не только не станем уговаривать братьев-славян вступить в ряды социально-демократической партии немецких рабочих, во главе которых стоят прежде всего, в виде дуумвирата, облеченного диктаторской властью, гг. Маркс и Энгельс, а за ними или под ними господя Бебель, Либкнехт и несколько литераторствующих евреев; мы, напротив, должны употребить все усилия, чтобы отвратить славянский пролетариат от самоубийственного вступления в союз с этой партией, отнюдь не народной, но по своему направлению, по цели и средствам чисто буржуазною и к тому же исключительно немецкою, т. е. славяноубийственною»².

Эта противоречивость во взглядах Бакунина обуславливалась тем, что с одной стороны, между революционными устремлениями Бакунина и реакционно-монархическими воззрениями славянофилов лежала непроходимая пропасть, с другой — между Бакуниным и славянофилами было нечто *общее*, что их сближало. Это *общее* — вера в «особые пути» развития России, отличные от Запада. И хотя Бакунин, ведущий ожесточенную борьбу с марксизмом, противопоставляет философскому идеализму исторический материализм Маркса; хотя он признает, что Маркс «высказал и доказал ту несомненную истину, подтверждаемую всей прошлой и настоящей историей человеческого общества, народов и государств, что экономический факт всегда предшествует и предшествует юридическому и политическому праву», что «в изложении и доказательстве этой истины состоит именно одна из главных научных заслуг господина Маркса», — эти утверждения, свидетельствующие кстати о вульгарном понимании теории исторического материализма Маркса, не помешали, однако, Бакунину подойти с особой меркой к русскому историческому процессу.

Г. В. Плеханов сжато формулировал основы учения Бакунина в следующих словах: «Он (Бакунин. — С. Ч.) исходил из коммунистических инстинктов, якобы присущих русскому народу и получивших будто бы свое выражение в великорусской сельской общине. Для того, чтобы эти коммунистические тенденции имели плодотворные последствия, необходимо было только разрушить государство, которое являлось помехой на пути к дальнейшему развитию общины. Поэтому Бакунин объявил беспо-

щадную войну государству, не делая при этом никакого различия между русским полицейским государством и «правовыми» государствами Запада. Более того: он был того мнения, что введение конституционного строя в России принесет только вред народу, так как конституционный строй расчистит путь для свободного развития капитализма и тем самым ослабит коммунистические стремления крестьянства.

«Революционеры должны разрушить государство. Чтобы подготовить народ к разрушению государства, революционеры должны были приступить к его воспитанию в этом направлении. Лучшим воспитательным средством в глазах Бакунина являлись беспрестанная агитация и организация местных бунтов. Но для того, чтобы вести такую агитацию, нужно было исходить не из принципов «чистого социализма», пропагандой которых занимались сторонники Лаврова, а из «ближайших нужд» и «непосредственных требований» народной массы.

«Эти взгляды Бакунина сделались учением народников-бунтарей, господствовавшим среди русских революционеров во второй половине 70-х годов прошлого столетия»¹.

Чтобы привести в какую-либо систему взгляды бунтарей 70-х годов, — а это представляется необходимым для выяснения вопроса о возникновении марксистской мысли и социал-демократического движения в России, — мы вкратце остановимся на трех сторонах учения Бакунина, которые легли в основу этих взглядов и которыми бунтари руководились в своей практической революционной работе: на учении Бакунина о государстве, социальной революции и характере и путях развития русской поземельной общины.

1. Учение Бакунина о государстве

Бакунин вошел в историю как сторонник немедленного уничтожения государства, как анархист. Его взгляды как безгосударственника сплетаются с панславизмом настолько, что их трудно друг от друга отделить. Эта тесная связь берет свое начало еще с молодых лет Бакунина, когда он был близок к славянофильской среде. Это подтверждает позднее и сам Бакунин в письме к издателям «Колокола» от 3/V 1867 г.: «К. С. (Аксаков) вместе с своими друзьями был уже тогда² врагом петербургского государства и вообще государственности, и в этом отношении он даже опередил нас»³.

Эту же мысль К. С. Аксаков высказывает и в 1858 г. в статье

¹ Плеханов. Собр. соч., т. XXIV, стр. 176. «Первые шаги с.-д. движения в России».

² В тридцатых годах XIX стол.

³ «Письма Бакунина к Герцену и Огареву». Письмо Бакунина к издателям «Колокола» от 3/V 1867 г., стр. 310.

¹ М. А. Бакунин. «Государственность и анархия», изд. 1919 г., стр. 72.

² Там же, стр. 120—121.

«По поводу VII тома истории России Соловьева»: «Передовые умы Запада начинают сознавать, что ложь лежит не в той или иной форме государства, а в самом государстве, как идее, как принципе... Государство, как государство, есть ложь. Славянские народы представляют нам иное начало, начало общины. Славянские народы, русский народ по преимуществу, есть народ безгосударственный».

К концу 60-х годов Бакунин выступает как вполне оформившийся и законченный безгосударственник-анархист. Его панславизм, реакционный по существу, принимает своеобразную революционную и социалистическую оболочку. Свои идеи безгосударственного анархизма и панславизма он обосновывает опытом европейских революций 1848—1849 гг. и западно-европейского революционного движения. На глазах Бакунина и при его активном участии происходили в Европе события всемирно-исторического значения. Поднявшиеся рабочие массы зажгли революционный пожар во всей Европе. Троны заколебались, короны готовы были полететь с голов феодальных властителей. Казалось, наступает желанное время, когда эксплуатируемые, угнетенные трудящиеся массы получают, наконец, полное освобождение от эксплуатации и гнета и начнут устраивать свою жизнь по-новому. Но в результате революций 1848—1849 гг. получилось совсем не то, чего ожидал Бакунин. Революции дали победу не пролетариату, а буржуазии, которая твердо стала у власти. Пролетариат, как был, так и остался в положении эксплуатируемого угнетенного класса, положение крестьянства не улучшилось. А последующий ход событий пошел по линии укрепления экономической мощи и политического господства буржуазии. Феодальное государство в результате революции превратилось в буржуазное государство со всеми присущими последнему особенностями политической организации. По внешности демократическое, по существу оно осталось эксплуататорским с той разницей, что у власти стал другой эксплуататорский класс.

Как и Герцен, Бакунин начинает разочаровываться в некоторых своих построениях. Бакунин приходит к заключению: «Всякое государство, какое бы оно ни было по форме, — монархическое, республиканское, демократическое, — не может не быть эксплуататорским, так как самое государство есть организация, созданная эксплуататорскими классами в целях эксплуатации трудящихся». Отсюда Бакунин делает вывод: всякий социалист-революционер (так Бакунин называл себя в противоположность «доктринерным революционерам», к каковым он причислял «социальных демократов» во главе с Марксом), если он стремится к устранению всякой эксплуатации трудящихся, должен поставить перед собой задачу уничтожить государство, как источник политической власти, как орудие в руках господствующих классов для эксплуатации трудящихся. Централизованному государству он, ученик Прудона, противопоставляет «федераль-

ную организацию снизу вверх рабочих ассоциаций, групп, общин, волостей и, наконец, областей и народов». «Новейшее капитальное (так Бакунин называет капиталистическое производство. — С. Ч.) производство и банковые спекуляции для дальнейшего и полнейшего развития своего требуют тех огромных государственных централизаций, которые только одни способны подчинить многомиллионные массы чернорабочего народа их эксплуатации. Федеральная организация снизу вверх рабочих ассоциаций, групп, общин, волостей и, наконец, областей и народов, это единственное условие настоящей, а не фиктивной свободы, столь же противна их существу, как несовместима с ними никакая экономическая автономия. Зато они уживаются отлично с так называемую представительную демократией; так как эта новейшая государственная форма, основанная на мнимом господстве мнимой народной воли, будто бы выражаемой мнимыми представителями народа в мнимо-народных собраниях, соединяет в себе два главные условия, необходимые для их преуспевания, а именно: государственную централизацию и действительное подчинение государя-народа интеллектуальному управляющему им, будто бы представляющему его и непременно эксплуатирующему его меньшинству»¹. Между различными формами государства для Бакунина существуют лишь незначительные оттенки. «Всякое централизованное государство, — говорит Бакунин на конгрессе «Лиги мира и свободы», — каким бы либеральным оно ни заявлялось, хотя бы даже носило республиканскую форму, по необходимости угнетатель, эксплуататор народных рабочих масс в пользу привилегированных классов»². Ту же мысль он повторяет и на 2-м конгрессе Лиги: «Все государства дурны в том смысле, что они по природе своей, т. е. по условиям цели своего существования, составляют диаметрально противоположность человеческой справедливости, свободы и нравственности. И в этом отношении, что бы ни говорили, нет большой разницы между дикой всероссийской империей и самым цивилизованным государством Европы»³. И, наконец, в своей книге, получившей по справедливости название «Евангелие анархизма», Бакунин отчетливо повторяет эту идею безгосударственности: «Между монархией и самой демократической республикой существенное различие: в первой чиновный мир притесняет и грабит народ для вящей пользы привилегированных имущих классов, а также и своих собственных карманов, во имя монарха; в республике же он будет точно так же теснить и грабить народ для тех же карманов и классов — только уже во имя народной воли. В республике мнимый народ, народ легальный, будто бы представляемый государством, душит и будет душить народ живой и действитель-

¹ «Государственность и анархия», стр. 68—69.

² «М. А. Бакунин», изд. Балашова, 1906 г., стр. 186.

³ Там же, стр. 207.

ный. Но народу отнюдь не будет легче, если палка, которою его будут бить, будет называться палкою народной»¹.

Приведенные цитаты говорят о том, что Бакунин в общем дает правильную характеристику феодального и буржуазного государства, как организации классов эксплуататорских для эксплуатации и подавления классов эксплуатируемых. Но в отличие от Маркса Бакунин рассматривает государство как организацию надклассовую. Поэтому он рассматривает всякое государство, при всяких условиях организацией эксплуатацией меньшинством большинства. Не делает он исключения и для государства диктатуры пролетариата. Для доказательства этого положения Бакунин не останавливается перед прямым (и, несомненно, сознательным) искажением учения Маркса о диктатуре пролетариата. Посмотрим, с какой «легкостью» Бакунин разделяется (или, вернее, отделяется) с марксовой теорией. «Между революционной диктатурой и государственностью вся разница состоит только во внешней обстановке. В сущности же они представляют обе одно и то же управление большинства меньшинством во имя мнимой глупости первого и мнимого ума последнего. Поэтому они одинаково реакционерны, имея как та, так и другая результатом непосредственным и неперменным упрочение экономических и политических привилегий управляющего меньшинства и политическо-экономического рабства народных масс.

«Теперь ясно, почему доктринерные революционеры (курсив Бакунина), имеющие целью низвержение существующих властей и порядков, чтобы на развалинах их основать свою собственную диктатуру, никогда не были и не будут врагами, а, напротив, всегда были и всегда будут самыми горячими поборниками государства».

Бакунин, однако, чувствует, что такие «возражения» против учения Маркса о диктатуре пролетариата недостаточно убедительны. Он старается их «углубить» путем формально-логических рассуждений. «Мы уже несколько раз высказывали глубокое отвращение к теории Лассаля и Маркса, рекомендующей работникам, если не последний идеал, то по крайней мере как ближайшую главную цель — *основание народного государства*, которое, по их объяснению, будет не что иное, как «пролетариат, возведенный на степень господствующего сословия». Спрашивается: если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит останется еще другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому государству. Например, хотя бы крестьянская чернь, как известно, не пользующаяся благорасположением марксистов и которая, находясь на низшей ступени культуры, будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом; или, если взглянуть с национальной точки зрения на этот вопрос, то, по-

¹ «Государственность и анархия», стр. 83.

ложим, для немцев славяне по той же причине станут к победоносному немецкому пролетариату в такое же рабское подчинение, в каком последний находится по отношению к своей буржуазии. Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно — и рабство; государство без рабства открытого или маскированного немисливо, — вот почему мы враги государства»¹.

Изобразивши в таком примитивном, искаженном виде учение Маркса о диктатуре пролетариата, Бакунин находит в нем основное противоречие между целью марксистов — освободить рабочий класс от эксплуатации — и средством: завоевание рабочим классом государства. Марксисты, — говорит Бакунин, — чувствуют это противоречие. Но они, дескать, пытаются выйти из этого противоречия такими рассуждениями: «Они говорят, что единственной заботой и целью ее будет образовать и поднять народ как экономически, так и политически до такой степени, что всякое управление сделается скоро ненужным, и государство, утратив весь политический, т. е. господствующий характер, обратится само собой в совершенно свободную организацию экономических интересов и общин... Они говорят, что такое государственное ярмо — диктатура — есть необходимое переходное средство для достижения полнейшего народного освобождения: анархия или свобода — цель, государство или диктатура — средство. Итак, для освобождения народных масс надо их сперва поработить»². В другом месте Бакунин выносит окончательное и категорическое суждение о диктатуре пролетариата. «Когда во имя революции хотят создать государство, будь это лишь временно государство, творят реакцию и работают для деспотизма, а не для свободы, для учреждения привилегий и против равенства»³.

К таким рассуждениям и таким выводам Бакунина привело полное непонимание учения Маркса о диктатуре пролетариата. Для его понимания надо было стать сторонником теории классовой борьбы и усвоить теорию диалектического материализма. Но учение Маркса осталось для прудониста Бакунина за семью печатями. Он был и остался утопическим, т. е. мелкобуржуазным социалистом, способным заметить противоречия капитализма, но неспособным найти разрешение этих противоречий. Он был и остался субъективным идеалистом, хотя местами и подвергает жестокой критике идеалистическую философию и признает заслуги Маркса в раскрытии закона исторического развития. По собственному признанию Бакунина, он, признавая большую теоретическую глубину учения Маркса и отрицательно относясь к метафизическому философскому мировоззрению Прудона, все же

¹ «Государственность и анархия», стр. 293—294.

² Там же, стр. 295—296.

³ Бакунин. «Кнупто-германская империя и социальная революция», изд. 1919 г., стр. 56.

стал сторонником Прудона за его «революционность», за его идеи федерализма и безгосударственности. Поэтому он и не мог понять исторической необходимости завоевания пролетариатом государственной власти, необходимости создания переходного государства диктатуры пролетариата, как средства в руках пролетариата для подавления сопротивления эксплуататорских классов, разрушения буржуазного государства, а затем и государства вообще. Как утопический социалист, стоявший на точке зрения разлагающегося под влиянием капитализма крестьянства, как субъективный идеалист, он не мог понять диалектических противоречий исторического процесса, с неизбежностью ведущего к уничтожению государства через государство диктатуры пролетариата, как это с предельной ясностью формулировал т. Сталин («Через укрепление государства диктатуры пролетариата к уничтожению государства»). Поэтому так наивно в наши дни звучит формально логическая критика Бакуниным учения Маркса о диктатуре пролетариата.

Воплощением государственности для пламенного антигосударственника Бакунина была Германия. В 60-е годы прошлого столетия Пруссия стала вести особо активную внутреннюю и внешнюю политику, направленную на объединение разрозненных германских государств под гегемонией Пруссии. Первым шагом объединительных стремлений было образование Северо-германского союза под главенством Пруссии, а франко-прусская война, как известно, закончилась образованием Германской империи во главе с Пруссией. Прусский король стал германским императором. Душой этой объединительной политики был граф Бисмарк.

Пламенный антигосударственник, Бакунин направил свои стрелы против Германии и немцев. Германия стала для него воплощением централизованной «пангерманской государственности», а все немцы — представителями реакционного пангерманского империализма, мечтавшими о поглощении всей Европы и неспособными к социальной революции. «В эту знаменательную едва прошедшую эпоху весь немецкий народ, все слои немецкого общества, за исключением разве только небольшой кучки работников, были проникнуты исключительно политическим интересом, интересом основания и расширения пределов пангерманского государства. И теперь еще этот интерес преобладает над всеми другими в уме и сердце всех немцев без различия словесий, и это-то составляет в настоящее время специальную силу Германии»¹. «Немецкий народ, — для Бакунина, — это послушное, покорное племя, стремящееся только к одной цели — к усилению и расширению своего пангерманского государства».

Приведем образцы высказываний Бакунина на эту тему.

«О классическом послушании немцев, всех чинов и разрядов, властям, гласит вся история Германии, а особенно новейшая,

которая представляет непрерывный ряд подвигов покорности и терпения. В немецком сердце выработалось веками истинное богопочитание государственной власти, богопочитание, которое создало постепенно бюрократическую теорию и практику»¹.

«Немцы никогда не нуждались в свободе. Жизнь для них просто невысказана без правительства, т. е. без верховной воли, верховной мысли и железной руки, ими помыкающей. Чем сильнее эта рука, тем более гордятся они и тем самая жизнь становится для них веселей... Их затаенная страсть, их единая цель — создать огромное пангерманское, насильственно всепоглощающее государство, перед которым бы трепетали все другие народы»². Бакунин приходит к выводу, что эти стремления «немцев» к пангерманской государственности делают их неспособными к революции. «Это стремление, вытекающее из глубины немецкой природы, делает немцев решительно неспособными к революции. Общество, желающее основать сильное государство, непременно хочет подчинить себя власти; революционное общество, напротив, хочет сбросить с себя власть. Как же примирить эти два противоположные и взаимно исключаящие требования?»³. Бакунин находит эти противоречия непримиримыми.

Итак, «пангерманскую» идею, которую в действительности были проникнуты прусское юнкерство и крупная буржуазия и которая получила практическое выражение в ряде войн и военных захватов, Бакунин приписывает всему «немецкому народу», не исключая пролетариата и социал-демократии. Бакунина не смущает даже то обстоятельство, что Бебель и Либкнехт заявили от имени германского пролетариата протест против насильственного присоединения к Германии Эльзаса и Лотарингии, поплатившись за мужественное выступление тюрьмой.

Дело в том, что немецкая социал-демократия относилась к объединительным стремлениям германской буржуазии как к явлению прогрессивному. Образование единого германского государства из многочисленных немецких мелких государств обозначало также и объединение разрозненного, распыленного в этих княжествах и герцогствах пролетариата и усиление его классово-вой мощи. Хотя князь Бисмарк в своей объединительной политике исходил из империалистических интересов молодой германской буржуазии, но объединение Германии было в классовых интересах и германского пролетариата. И с этой точки зрения подошли Маркс и Энгельс к этому вопросу. В письме Ф. Энгельса Марксу от 15/VIII 1870 г. эта точка зрения выражена с предельной отчетливостью. В случае победы Наполеона III бонапартизм, по мнению Энгельса, «укрепится на многие годы, а Германии на многие годы, — может быть, на целые поколения, — конец. О са-

¹ «Государственность и анархия», стр. 195.

² Там же, стр. 219.

³ Там же, стр. 272.

¹ «Государственность и анархия», стр. 153.

мостоятельном немецком рабочем движении тогда уже не может быть речи, борьба за восстановление национального существования будет тогда поглощать все, и в лучшем случае германские рабочие окажутся в хвосте французских. Если Германия победит, то... германские рабочие смогут организовать в совершенно ином национальном масштабе»¹.

Как же Бакунин трактует эту позицию германских социал-демократов? Он их причисляет, как и всех «немцев», к сторонникам бисмарковской пангерманской империи. Чтобы политически опорочить своего противника в Интернационале, он не останавливается перед тем, чтобы оклеветать Маркса как якобы союзника Бисмарка. «В распространении этой германской идеи (пангерманской.— С. Ч.) состоит ныне главное стремление господина Маркса, который, как мы уже заметили, попытался возобновить в свою пользу в Интернационале подвиги и победы князя Бисмарка»².

Итак, «государственники-немцы» неспособны к социальной революции. Кто же ее совершит, по мнению Бакунина? Идею пангерманской государственности Бакунин противопоставляет идею панславянской безгосударственности. Однако справедливость требует отметить, что Бакунин пытается отмежеваться от панславизма. «Мы столько же отъявленные враги панславизма, сколько и пангерманизма», — говорит Бакунин³. Но от какого панславизма отмежевывается Бакунин? От того, который проповедует «освобождение славянских племен посредством могучего вмешательства русской армии» или даже «создание великого царства славянского под державою русского царя». С таким панславизмом Бакунин действительно не имел ничего общего. Его взгляд на славянство, как на носителя идеи безгосударственного социализма и как на движущую силу социальной революции, нельзя иначе назвать, как панславизмом, заключенным в словесную революционную оболочку. В противоположность германцам, на всем протяжении своего исторического существования стремившимся силою оружия к образованию сильного государства, славяне, по мнению Бакунина, по своей исторической природе безгосударственники.

«Несомненно, — говорит Бакунин, — что славяне никогда сами собой, своею собственной инициативой государства не слагали. А не слагали они его потому, что никогда не были завоевательными племенем. Только народы завоевательные создают государство и создают его непременно себе в пользу, в ущерб коренным народам.

«Славяне были по преимуществу племенем мирным и земледельческим. Чуждые воинственного духа, которым воодушевлялись

германские племена, они были по этому самому чужды тем государственным стремлениям, которые с ранних пор проявились в германцах. Живя отдельно и независимо в своих общинах, управляемых по патриархальному обычаю стариками, впрочем, на основании выборного начала, и пользуясь все одинаково общинной землей, — они не имели и не знали дворянства, не имели даже особой касты жрецов, были все равны между собою, осуществляя, правда, еще только в патриархальном и, следовательно, в самом несовершенном виде, идею человеческого братства. Не было постоянной политической связи между общинами... Значит, не было и не могло быть славянского государства»¹.

Из этой тирады нетрудно убедиться, что историческую отсталость славянства, его патриархальный земледельческий строй Бакунин возвел в положительный фактор, свидетельствующий якобы об исторической миссии славянства, заключающейся в совершении анархической социальной революции и создании безгосударственного социалистического общества. Бакунин не упускал случая подчеркивать, что «мирные» славяне на всем протяжении истории подвергались угнетению со стороны воинственных германцев; но ему и в голову не приходило, что это именно обстоятельство является ярким свидетельством отсталости патриархального крестьянского быта славянских племен; фактора, не приближающего, а отдаляющего этих крестьян от социализма. По сути дела бакунинский «революционный» панславизм² — это преклонение перед крестьянской патриархальностью, перед экономической отсталостью, это бунтарский протест против победно шествующего капитализма, разлагающего этот патриархальный крестьянский быт, разрушающего натуральное крестьянское хозяйство и ускоряющего классовую дифференциацию в деревне. Этот процесс, как известно, сопровождается выделением из когда-то аморфного крестьянства товарных производителей с одной стороны, громадной массы пауперов — с другой. Эта последняя категория, по концепции Бакунина, и должна была служить социальной базой анархической социальной революции.

Что же противопоставляет Бакунин централизованному госу-

¹ «Государственность и анархия», стр. 105.

² Странным кажется сочетание слов «революционный панславизм», которое пустил в оборот тов. Ю. Стеклов в своей работе о Бакунине. Как будто реакционный по своему содержанию панславизм может стать революционным, если он облекается Бакуниным в революционную фразеологию. Такое сочетание слов может навести на неправильную мысль, что панславизм был когда-либо революционным. Впрочем тов. Стеклов немало потрудился над обоснованием этой неправильной мысли (смотри его книгу: «М. А. Бакунин», т. I, изд. 1926 г., особенно раздел «Воззвание к славянам» и «Революционный панславизм», где он берет взгляды Бакунина под свою защиту против Маркса и Энгельса). Уместнее поэтому бакунинский панславизм назвать революционным в кавычках.

¹ Маркс и Энгельс. Сочинения, т. XXIV, стр. 381.

² «Государственность и анархия», стр. 316.

³ Там же, стр. 102.

дарству? Федерацию самоуправляющихся общин. В славянстве Бакунин видит способность организации самоуправления «органически снизу вверх, через вольное соглашение самостоятельных обществ в одно целое, начиная от общины — социальной и политической единицы, краеугольного камня всего русского мира — до областного, государственного, пожалуй, до федерального общеславянского управления»¹.

«Революционный» панславизм Бакунина — не противоречие, а естественное дополнение его анархических воззрений. В представлении Бакунина в славянстве сочетались все элементы, необходимые для создания анархо-социалистического общества: ненависть к государству, бунтарские настроения, федералистические и коммунистические «навыки» общинного крестьянина. Социальное содержание бакунинского «революционного» панславизма можно характеризовать как крестьянский антикапитализм.

Непревзойденную до сих пор характеристику учения Бакунина о государстве дает Энгельс в письме к Куно от 24/1 1872 г.: «У Бакунина своеобразная теория, смесь из прудонизма и коммунизма, при чем для первого характерно, что он считает главным злом, подлежащим устранению, не капитал, не классовые противоречия между капиталистами и рабочими, возникшие благодаря общественному развитию, а государство (курсив Энгельса). В то время как массы социал-демократических рабочих так же, как и мы, держатся такого взгляда, что государственная власть есть не что иное, как организация, которую создали себе господствующие классы — землевладельцы и капиталисты — для того, чтобы защищать свои общественные привилегии, Бакунин утверждает: государство создало капитал, капиталист облагает своим капиталом только благодаря милости государства.

«Так как, следовательно, государство является главным злом, то нужно прежде всего уничтожить государство, тогда и капитал сам собой погибнет. Мы же говорим наоборот: уничтожьте капитал — сосредоточение всех средств производства в руках немногих, — тогда само собой отпадает государство»². Тут существенная разница: отмена государства без социального переворота — бессмыслица. Уничтожение капитала — это есть общественный переворот и включает в себя преобразование всего способа производства. Но так как для Бакунина государство есть основное зло, то ничего не следует делать, что могло бы поддерживать жизнь какого бы то ни было государства — республики, монархии и т. п. Поэтому безусловное воздержание от какой бы то ни было политики. Совершить политическое действие, в особенности принять участие в выборах, — это измена принципу. Надо вести пропаганду, поносить государство, организовать, и

¹ «М. А. Бакунин», изд. Балашова, 1906, стр. 157.

² Разумеется, слова Энгельса «само собой» нельзя понимать, как «самотек», как это пыталась толковать «школа Бухаряна».

когда, наконец, будешь иметь на своей стороне всех рабочих, следовательно — большинство, тогда уничтожаются, наконец, все государственные учреждения и на их место становится организация Интернационала. Это великое действие, которым кладется начало тысячелетнего царства, называется социальной ликвидацией.

«Все это звучит необыкновенно радикально и так просто, что все можно выучить наизусть в пять минут. Поэтому эта теория быстро встретила сочувствие среди молодых адвокатов, докторов и других доктринеров в Италии и Испании. Но масса рабочих никогда не допустит, чтобы им втолковали, что общественные дела их собственной страны не являются их общественными делами, они по природе своей политичны, и того, кто говорит им: «бросьте политику», они в конце концов покидают. Проповедывать рабочим воздержание от политики при всяких обстоятельствах — это значит загонять их прямо в руки попам или буржуазным республиканцам»¹.

2. Учение Бакунина о социальной революции

Бакунин вошел в историю и как пламенный неукротимый революционер. Если исключить годы, проведенные Бакуниным в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях и сибирской ссылке, остальное время он носился из конца в конец европейского континента и неустанно звал массы к восстанию. Везде, где слагалась революционная ситуация, мы видим Бакунина в центре событий подготовляющим и участвующим в восстании. Это был конспиратор и заговорщик, находившийся в самой тесной связи с выдающимися революционерами всех европейских стран. Он был интернациональным революционером в том смысле, что всякую революцию, где бы она ни назревала или где бы она ни происходила, он считал своим делом. Он был революционным демократом в том смысле, что всякую революцию пытался ставить под контроль трудящихся масс и поворачивать ее лицом к интересам трудящихся масс. Наконец, он был анархистом, видевшим смысл и цель всякой революции, всякого восстания в разрушении государства и создании анархического, безгосударственного общества на основе федерации. Революция, бунт, восстание были его стихией. Его появление в какой-либо части Европы было верным признаком, что там готовится какое-либо революционное предприятие. Бакунин находился под бдительным оком европейской реакции.

С революционным темпераментом Бакунина как нельзя более гармонировали его теоретические взгляды, центральное место в которых занимало его учение о социальной революции.

Социальной Революцией, — Бакунин писал эти слова с боль-

¹ «Письма Маркса и Энгельса», стр. 269.

шой буквы, — он называл такую революцию, которая ставила своей задачей ниспровержение государства, уничтожение эксплуатации и установление экономического равенства между людьми. Только такую революцию Бакунин считал заслуживающей того, чтобы народ и революционеры несли ради нее жертвы.

Каковы же по Бакунину движущие силы социальной революции, тот социальный базис, на котором Бакунин строил возможность этой революции?

Как уже отмечено было выше, Бакунину было чуждо правильное понимание классовой структуры капиталистического общества. Революционного значения пролетариата, который в силу своего положения в капиталистическом производстве является не только угнетенным и эксплуатируемым классом, но и классом, идущим на смену буржуазии, классом — будущим строителем нового социалистического общества, — Бакунин не понимал. Бакунин расценивал революционность по степени протеста и бунтарства, которые таились в «низах» общественной пирамиды. Удивительно ли, что такие взгляды привели Бакунина к тому, что наиболее революционными он считал наиболее экономически отсталые страны, переживавшие эпоху первоначального капиталистического накопления, где интенсивная пауперизация и пролетаризация крестьянства и городского мелкого товарного производителя давали достаточную пищу для бунтарских настроений. Таковы Италия, Испания, славянские страны, — наиболее экономически отсталые в то время страны, — которые Бакунин считал наиболее близкими к социальной революции. Наиболее революционным классом он считал не пролетариат, а деклассированные в результате развития капитализма элементы, как наиболее «пострадавшие» от капитализма и наиболее способные протестовать против эксплуатации. Босьяк, разбойник, «разнузданная чернорабочая чернь», — вот герои Бакунина, они носители идеи безгосударственной анархии, из них вербуются армия социальной революции. Индустриальный пролетариат крупных капиталистических предприятий не пользуется симпатией Бакунина, — он склонен считать его «проникнутым буржуазным началом». Интересно, почему Бакунин считает, что, «может быть, нигде так не близка социальная революция, как в Италии». «В Италии, — объясняет Бакунин, — не существует, как во многих других странах Европы, особого рабочего слоя, уже отчасти привилегированного, благодаря значительному заработку хвастающегося даже в некоторой степени литературным образованием и до того проникнутым буржуазными началами, стремлениями и тщеславием, что принадлежащий к нему рабочий люд отличается от буржуазного люда только положением, отнюдь же не направлением. Особенно в Германии и в Швейцарии таких работников много; в Италии же, напротив, очень мало, так мало, что они теряются в массе без малейшего следа и внимания. В Италии преобладает тот нищенский пролетариат, о котором гг. Маркс

и Энгельс, а за ними и вся школа социальных демократов Германии отзываются с глубочайшим презрением, и совершенно напрасно, потому что в нем, и только в нем, отнюдь же не в вышеозначенном буржуазном слое рабочей массы, заключается и весь ум и вся сила будущей социальной революции»¹.

Нищета и отчаяние масс являются, по Бакунину, основными двигателями социальной революции. Вполне естественно, что при таком понимании наиболее революционными группами населения должны быть те, которые дошли до крайней степени нищеты и отчаяния, — «нищенский пролетариат», ломпенпролетариат; а наиболее революционными странами те, в которых многочисленны эти группы населения.

«Но и нищеты с отчаянием мало, чтобы возбудить социальную революцию. Они способны произвести личные или, много, местные бунты, но недостаточны, чтобы поднять целые народные массы. Для этого необходим еще общенародный идеал, вырабатывающийся всегда исторически из глубины народного инстинкта, воспитанного, расширенного и освященного рядом знаменательных происшествий, тяжелых и горьких опытов, — нужно общее представление о своем праве и глубокая, страстная, можно сказать, религиозная вера в это право. Когда такой идеал, такая вера в народе встречается вместе с нищетой, доводящей его до отчаяния, тогда социальная революция неотвратима, близка, и никакая сила не может ей воспрепятствовать»². К таким обладающим «общенародным идеалом» странам Бакунин причисляет латинские страны (Италию, Испанию) и Россию.

Каково содержание этого «общенародного идеала»? «Этот идеал, — говорит Бакунин, — представляет, разумеется, народу на первом плане конец нужды, конец нищеты и полное удовлетворение всех материальных потребностей посредством коллективного труда, для всех обязательного и для всех равного; потом — конец господам и всякому господству и вольное устройство народной жизни, сообразно народным потребностям, не сверху вниз, как в государстве, но снизу вверх, самим народом, помимо всех правительств и парламентов, вольный союз земельных и фабричных рабочих товариществ, общин, областей и народов; и, наконец, в более отдаленном будущем, общечеловеческое братство, торжествующее на развалинах всех государств»³.

Наиболее экономически отсталая, недавно только ликвидировавшая крепостное право Россия представлялась Бакунину наиболее созревшей для социальной революции. В ней, по мнению Бакунина, сочетались все данные, необходимые для социальной революции. Крестьянство в России дошло до крайней нищеты и

¹ «Государственность и анархия», стр. 61.

² Там же, стр. 95.

³ Там же.

отчаяния, оно объединено общенародным идеалом «вольного устройства народной жизни», в прошлом оно имеет такие народные восстания, как народные взрывы под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева, о которых народ не позабыл. Даже такое распространенное явление эпохи раннего капитализма, как разбой, Бакунин заносит в актив социальной революции. «Разбойники в лесах, городах, в деревнях, разбросанные по целой России, разбойники, заключенные в бесчисленных острогах империи, составляют один нераздельный, крепко связанный мир — мир русской революции»¹.

Итак, для Бакунина бунтарское настроение, тенденции к нарушению государственных законов, т. е. чисто субъективные факторы являются решающими при учете «социально-революционных» сил. Применяя эту же мерку, Бакунин приходит с такой же легкостью к утверждению о *неспособности немцев* к социальной революции. «Потому нельзя ожидать немецкой революции, что в действительности в уме, характере, темпераменте немца чрезвычайно мало революционных элементов»². К таким произвольным выводам Бакунина привел его субъективный метод, отсутствие «историзма» в его «исторических исследованиях». Настроения отдельных групп населения, обусловленные исторически преходящими явлениями капитализма, Бакунин обобщает в «народный идеал» и на нем строит революционную теорию.

Предпосылками социальной революции Бакунин считает рост нищеты и отчаяния народных масс; движущими силами социальной революции Бакунин считает люмпенпролетариат и нищающее крестьянство; путь к социальной революции — «всенародный бунт».

Народ привык бунтовать, только народные бунты терпели до сих пор поражение потому, что они были разрозненны, разобщены. Необходимо эти разрозненные бунты объединить во «всенародный бунт». «Но для того, чтобы соединить все его частные бунты в один бунт поголовный и несокрушительный, т. е. в народную революцию, нам надо самым деятельнейшим образом, открыто и смело участвовать в каждом из них»³. Гарантией, что всенародный бунт приведет к социальной революции и к организации анархического общества, служит «народный идеал», тающийся в трудящихся массах. Этот идеал, как мы видели, *антигосударственный и социалистический*. И вовсе не нужно навязывать народу идеи социализма, — их нужно лишь в нем *разбудить*. «Мы не только не имеем намерения и малейшей охоты навязывать нашему или чужому народу, — пишет Бакунин, — какой бы то ни было идеал общественного устройства, вычитанного из кни-

¹ Бакунин. «Постановка революционного вопроса», изд. Балашова, 1906, стр. 240.

² «Государственность и анархия», стр. 315.

³ Бакунин. «Постановка революционного вопроса», изд. Балашова, стр. 238.

жек или выдуманного нами самими, но в убеждении, что народные массы носят в своих более или менее развитых историей инстинктах, в своих насущных потребностях и в своих стремлениях сознательных и бессознательных все элементы своей будущей нормальной организации, мы ищем этого идеала в самом народе»¹.

Исходя из веры в народный инстинкт, в свободную инициативу народа, которая приведет его к разрушению всякой власти, всякого государства, Бакунин призывает революционеров помочь народу организовать всенародный бунт и отказаться от мысли учить народ. «Учить народ, — говорит Бакунин, — это было бы глупо. Народ и сам лучше нас знает, что ему надо. Напротив, мы должны у него научиться и понять тайны его жизни и силы, тайны немудреные, правда, но недостижимые для всех живущих в так называемом образованном обществе»². «Не учить мы должны народ, — говорит Бакунин там же, — а бунтовать. Но народ бунтовал всегда. Бунтовал плохо, врознь, бесплодно. Надо сделать так, чтобы бунты его удавались. Надо внести в беспорядочное бунтарство план, систему, организацию»³.

Уничтожающую критику подобных взглядов на социальную революцию дает Фридрих Энгельс в своем «Ответе Ткачеву». Эту критику можно легко применить и к взглядам Бакунина, близким в этом вопросе к взглядам Ткачева. «Русский народ, по его словам (т. е. Ткачева. — С. Ч.), непрерывно протестует» против рабства; протест этот выливается в такие формы: «религиозные секты... отказ от уплаты податей... разбойничьи шайки (немецкие рабочие могут себя поздравить: разбойник оказывается отцом германской социал-демократии)... поджоги... бунты... и потому можно назвать русский народ инстинктивным революционером». Поэтому Ткачев убежден, что «стоит только пробудить одновременно во многих местах накопившееся чувство раздражения и недовольства, которое... вечно клокочет в груди русского народа», — и тогда «само собою» произойдет объединение всех революционных сил, и борьба... должна будет окончиться благоприятно для народного дела. «Практическая необходимость, инстинкт самосохранения» сами собой приведут тогда «к созданию прочной и неразрывной связи между протестующими общинами».

Более легкой и приятной нельзя себе и представить революцию. Стоит лишь начать разом в трех-четырёх местах, а там «уже сами» совершат все остальное «инстинктивный революционер», «практическая необходимость» и «инстинкт самосохранения». Дело так легко и просто, что остается только удивляться, как это революция давным давно не совершилась, народ не осво-

¹ «Государственность и анархия», стр. 237.

² Бакунин. «Речи и воззвания».

³ Там же.

бодился, и Россия не превратилась в классическую страну социализма?»¹.

На деле общественное развитие идет иными, более сложными путями. На пути к пролетарской революции еще лежит полоса сложной классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией в рамках буржуазного государства. Это борьба политическая. Бакунин, отрицавший государство и призывавший к его разрушению, относился отрицательно и к *политической борьбе*.

Однако в Бакунине есть одна особенность, которая резко отличает его от «революционного вспышкопускательства». Это — глубокая вера в народ, убеждение, что революцию может совершить только народ, революционеры могут лишь ему в этом помочь. Эту мысль он неоднократно повторяет в своей брошюре «Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель?»:

«Если будущность для нас существует, так только в народе. Итак, народ может и без нас обойтись, мы без него не можем».

«Мы должны видеть в нем не средство, а цель; не смотреть на него как на материал для революции по нашим идеям, как на «мясо освобождения», напротив, смотреть на себя, если он на то согласится (курсив Бакунина), как на слуг своего дела».

«Нужно, чтобы ум наш выучился понимать ум народа и чтобы наши сердца приучились бить в один такт с его великим, но для нас еще темным сердцем»².

«В нем одном (народе. — С. Ч.) — жизнь и будущность, вне его — мертвый мир... Наступило, кажется, его время; он просится наружу, на свет, хочет сказать свое слово и начать свое явное дело... Он в историю внесет новое начало и создаст цивилизацию иную: и новую веру, и новое право, и новую жизнь».

Эта горячая вера Бакунина «в народ», в его революционный инстинкт выделяет Бакунина среди революционеров 70-х годов, как одного из основоположников *революционного народничества*.

3. Место поземельной общины в учении Бакунина

В своей системе Бакунин отводил чрезвычайно большое место поземельной общине. Общине он приписывал исключительную роль в деле социальной революции и построения федералистического общества. Надо, однако, сказать, что в вопросе об общине Бакунин не был оригинален, — он повторял лишь предрассудки, господствовавшие и до него среди русской интеллигенции.

С легкой руки приглашенного в 40-х годах царским правительством для агрономического обследования России немецкого барона Гакстгаузена, «открывшего» русскую крестьянскую поземельную общину, община стала краеугольным камнем социаль-

ного мировоззрения русской интеллигенции на протяжении последнего полувека XIX века. Славянофилы, Герцен, шестидесятники, наконец, Бакунин — все они видели в крестьянской общине выражение «особых путей» развития России, отличных от Запада. «Вера» в общину занимала такое большое место в мировоззрении русской интеллигенции в 40—70-х гг., что мы позволим себе несколько подробнее остановиться на высказываниях об общине наиболее видных представителей интеллигенции этой эпохи.

«Община, — пишет славянофил А. С. Хомяков, — есть одно уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории. Отнимите его, не останется ничего. Из его развития может развиться целый гражданский мир».

К славянофилам в этом вопросе примыкает западник Герцен. «Важность их (славянофилов. — С. Ч.) воззрения, его истина и существенная часть вовсе не в их православии, а в тех стихиях (курсив Герцена) русской жизни, которую они открыли под удобением искусственной цивилизации»¹.

«Что жé удивительного, что, видя народ общинный, артельный, с своим понятием о праве на землю, о круговой поруке, нашлись люди, которые предположили, что этот народ ближе к осуществлению экономического, т. е. социального переворота, чем римско-феодалная, мещанская индустриальная Европа»².

Не столь категорически высказывается об общине Н. Г. Чернышевский. Он далек от идеализации общины, он считал общину пережитком «патриархальных диких времен», «смесью анархии с деспотизмом», он был далек от идеализма и мистицизма, которыми облекли общину славянофилы и Герцен, — но и он отдал дань этим увлечениям. «Читатели, — пишет он в «Заметках о современной литературе», — зная наш образ мыслей, не могут, конечно, предположить в нас особенного расположения к тем примесям славянофильской системы, которые находятся в противоречии с идеями, выработанными современной наукой и характером нашего времени. Но мы повторяем, что выше этих заблуждений есть в славянофильстве элементы здоровые, верные, заслуживающие сочувствия». Какие же это элементы? «Общинное устройство наших сел, — пишет Чернышевский, — должно остаться неприкосновенным при всех переменах в экономических отношениях».

Бакунин не отстал от «духа» своего времени. Как и славянофилы, он полагал, что наличие общины определяет «особые пути» развития России. Но эти «особые пути» получили противоположное направление у Бакунина и у славянофилов. В то время как консервативные славянофилы смотрели на русскую общину, как на социальную основу русского феодального самодержавия, Ба-

¹ Фр. Энгельс. «Ответ Ткачеву». Цит. по сборн. «Революция и РКП(б)», 2-е изд., т. I, стр. 41.

² Бакунин. «Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель?»

¹ Герцен, Собр. соч., т. IV.

² «Колокол», 1861 г., № 107.

кунин, напротив, видел в нем зародыш будущего анархического общества, построенного на принципе федерализма «снизу вверх». Благодаря наличию общины, Россия, по мнению Бакунина, была ближе к социальной революции, чем Запад, где капитализм уже разрушил общину. В отличие от Европы поземельная община в России, говорил Бакунин, существует и продолжает оставаться основой русской экономики, капитализма у нас пока нет, равно как и сопутствующего ему пролетариата, — стало быть, путь к коммунизму в России лежит через крестьянскую общину. Тот факт, что капитализм начинал в его время уже пускать ростки и в России, — факт, который не мог оставаться незамеченным Бакуниным и его русскими учениками, — он приписывал отрицательному влиянию государства, заинтересованного в внедрении капитализма и разрушении общины — этого, по его мнению, зародыша коммунизма. Впрочем, эта же мысль еще и до Бакунина высказана в прокламации «Молодому поколению»: «Мы народ запоздалый, и в этом наше спасение, мы должны благославлять судьбу, что не живем жизнью Европы... Мы верим, что призваны внести в историю *новое начало*, сказать новое слово, а не повторять зады Европы». Везде, где Бакунин говорит о принципе федерации, противопоставляем им принципу централизованных государств, община занимает наряду с артелью и ассоциациями одно из почетных мест, как основа будущей федерации.

Вопрос о русской поземельной общине, многие десятилетия служивший предметом спора в рядах русской интеллигенции, давным давно решен историей. Победила марксистская точка зрения на общину, как на остаток феодальных отношений, тормозивших развитие капиталистических отношений в деревне и тем ухудшавших положение бедных слоев деревни. Развитие капитализма в России, вступившее в противоречие с остатками феодальных отношений, несло с собой разложение и крестьянской общины, этого типичного остатка докапиталистических отношений. Это социально-экономическое содержание поземельной общины в России, шедшее в разрез с привычными представлениями русской революционной интеллигенции, идеализовавшей общину, как зародыш социализма, вскрыли впервые Маркс и Энгельс. В своем «Ответе Ткачеву», напечатанном в «*Volksstaat*» в 1875 г., Энгельс дает исчерпывающую социально-экономическую характеристику русской поземельной общины. «Русская крестьянская община, — пишет Энгельс, — была открыта в 1845 г. прусским регирунгсратом Гакстгаузеном, который протрубил о ней по всему миру, как о каком-то чуде, хотя у себя на родине, в Вестфалии, он легко мог еще найти остатки подобной общины, а в качестве правительственного чиновника обязан был даже хорошо знать о них. Лишь от Гакстгаузена узнал Герцен, сам бывший крупным русским помещиком, что его крестьяне владеют землей на общинных началах, и воспользовался этим случаем, чтобы противопоставить русских крестьян, как истинных носи-

телей социализма и прирожденных коммунистов, рабочим дряхлого, прогнившего европейского Запада, которым социализм приходится вбивать в голову искусственно. От Герцена узнал это Бакунин, от Бакунина — господин Ткачев. Послушаем г. Ткачева.

«Наш народ... в огромной своей массе... проникнут принципами общинного владения; он является, если можно так выразиться, коммунистом по инстинкту, по традиции. Идея коллективной собственности столь глубоко вросла во все мировоззрение русского народа (мы увидим сейчас, насколько широко представление о мире у русского крестьянина), что теперь, когда правительство начинает понимать, что эта идея несовместима с принципами «благоустроенного» общества, и во имя этих принципов хочет внедрять идею индивидуальной собственности в сознание и жизнь народа, ему удастся достигать этого только при помощи штыка и нагайки. Отсюда следует, что наш народ, несмотря на свое невежество, гораздо ближе к социализму, чем народы Западной Европы, хотя они и образованнее русского народа».

«В действительности общинное владение землей — такое учреждение, которое мы находим на низшей ступени развития у всех индогерманских народов от Индии до Ирландии и даже у развивавшихся под индийским влиянием малайцев, например, на о. Яве... В Великороссии же (т. е. в настоящей России) общинная собственность сохранилась до сих пор, и это дает основание сразу предположить, что здесь сельскохозяйственное производство и соответствующее ему общественное отношение деревни находится еще на очень низкой ступени развития. Так оно и есть в действительности... Дальнейшее развитие России в *буржуазном* направлении постепенно уничтожит и здесь общинную собственность, и русскому правительству не придется вмешиваться в это дело со своими «штыками и нагайками». Отмечая усиление процесса разложения общины после отмены крепостного права, Энгельс утверждает, что «общинная собственность на землю перестает быть благодеянием, она превращается в цепи. Крестьяне нередко бегут из общины с семьей или без нее, бросают свои земли и превращаются в кочующих рабочих»¹.

Такую же, в общем, характеристику общины дает и Плеханов в «*Наших разногласиях*»: «Сельские общины обнаруживают несомненную живучесть до тех пор, пока они не выходят из условий натурального хозяйства... Именно недавним развитием в России денежного хозяйства и объясняется та прочность, которая обнаруживалась до последнего времени нашей общиной и которая до сих пор продолжает умилять людей, слабоватых в деле мышления. До уничтожения крепостного права почти все общественное, а в значительной степени и государственное хозяйство России было хозяйством натуральным, в высшей степени благоприятным к сохранению поземельной общины. Вот почему этой

¹ Истпарт, «Революция и РКП(б)», т. I, стр. 49—50, 52.

последней и не могли разрушить политические события времен удельно-вечевое уклада и московской централизации, петровских реформ и «барабанного просвещения» петербургских самодержцев. Как ни тяжело отзывались на народном благосостоянии многие из этих событий, но несомненно, что сами они в последнем счете являлись не предвестниками коренных переворотов в общественном хозяйстве, а лишь следствием тех взаимных отношений, в которых состояли между собой отдельные общины. В основе московского деспотизма лежали именно те «вековые устои народной жизни», которыми восхищаются наши народники. Это одинаково ясно понимали и реакционный барон Гакстгаузен, и революционный агитатор Бакунин»¹.

В одном случае русская община могла бы послужить исходным пунктом развития социализма. Об этой вероятности высказывались неоднократно Маркс и Энгельс. В предисловии к русскому переводу «Коммунистического манифеста» (изд. 1882 г.) Маркс говорит: «Если изменение экономической системы в России совпадет с изменением экономической системы на Западе так, чтобы они пополняли друг друга, то современное русское землевладение может явиться исходным пунктом нового общественного развития». Об этом же говорит Энгельс в своем ответе Ткачеву: «Если еще до окончательного разложения общинной собственности в России в Зап. Европе совершится пролетарская революция и доставит русскому крестьянину предвзятые условия для такого перехода, в том числе и материальные, в которых он нуждается, чтобы произвести неразрывно связанный с этим переворот во всей своей системе земледелия»². Эту же мысль повторяет позднее Энгельс в письме к Н. Ф. Даниельсону от 24/II 1893 г.: «Несомненно, что земельная община и до некоторой степени артель заключали в себе некоторые зародыши, которые при известных условиях могли бы развиваться и спасти Россию от необходимости пройти через муки капиталистического режима. Я вполне подписываюсь под письмом нашего автора по поводу статьи Жуковского. Но и по его (Маркса. — С. Ч.) мнению и по моему, первое условие, требовавшееся для этого, заключалось в наличии некоторого толчка извне, — в изменении экономической системы европейского Запада, в уничтожении капиталистической системы в тех странах, где она получила свое начало»³.

Но как далеки эти мысли Маркса и Энгельса от взглядов Бакунина и его учеников и будущих эпигонов народничества на общину, как на зародыш социализма! Маркс и Энгельс допускали возможность некапиталистического пути развития экономически отсталых стран при условии пролетарской революции в наибо-

лее экономически передовых странах. Опыт Октябрьской революции, включившей экономически отсталые национальные области бывшей царской России, где господствовали полуфеодалные отношения, в ряды передовых районов социалистического строительства нашей страны, — полностью подтвердил слова Маркса и Энгельса.

* * *

В полном соответствии с взглядом на социалистический характер общины Бакунин отводит крестьянству исключительное революционное место. Он упрекает Маркса и германских социал-демократов в том, что они будто противники крестьянства. «Для коммунистов или социальных демократов Германии крестьянство, всякое крестьянство есть реакция; а государство, всякое государство, даже бисмарковское — революция»¹. Разумеется, эти слова Бакунина являются обычным типом искажения взглядов Маркса. Верно лишь то, что взгляды Маркса и Бакунина на роль крестьянства в социалистической революции принципиально различны. Бакунин смотрит на крестьянство, как на социалистический класс, способный самостоятельно произвести социальную революцию; Маркс и Энгельс видят в крестьянстве *резерв революции*, который может сыграть революционную роль в социалистической революции при условии гегемонии пролетариата.

Бакунин всего больше верил в крестьянскую революцию. Если в Зап. Европе он готов был и пролетариат (с некоторыми оговорками) сопричислить к революционным силам, то в России он все свои надежды возлагал на крестьянство. Революцию в России он мыслил исключительно как *крестьянскую революцию*, задачей которой является не только свержение самодержавной монархии, но уничтожение всякого вообще государства и установление анархического общества на принципе федерации. Крестьянство, по мнению Бакунина, вполне подходило для решения этой задачи, так как оно на протяжении всей русской истории воспитывалось в духе антигосударственности, общинной солидарности, в нем крепко утвердилось убеждение, что земля принадлежит тому, кто на ней трудится. Верны ли были представления Бакунина «о коммунистических инстинктах» крестьянина? На этот вопрос также дает ответ Энгельс в выше цитированном ответе Ткачеву. «Что положение русских крестьян со времени освобождения от крепостной зависимости стало невыносимым и весьма шатким и что уже по одному этому в России нужно ожидать революции, это — несомненно. Вопрос только в том, каков может быть, каков будет результат этой революции? Господин Ткачев говорит, что это будет социальная революция... Господин Ткачев хочет сказать, что она будет революцией социалистической... Все это может будто бы произойти потому, что русские

¹ Плеханов, т. II, стр. 236, 239.

² Истпарт, «Революция и РКП(б)», т. I, стр. 41.

³ Письма Маркса и Энгельса, стр. 326.

¹ «Государственность и анархия», стр. 254.

являются, так сказать, избранным народом социализма»¹. Энгельс, как это и подтвердил ход русской революции, расценивал социально-политическое содержание крестьянской революции в России как буржуазно-демократическое.

* * *

Мы не знаем лучшей характеристики общего учения Бакунина, чем та, которую дали Маркс и Плеханов.

«Его программа, — пишет Маркс Ф. Больте (23/XI 1871 г.), — это понадерганная отовсюду мешанина». Доктрину Бакунина Маркс называет «белибердой, составленной по кусочкам из прудоновских, сен-симонистских и др. теорий»².

Близкое к марксову дает определение бакунизма Плеханов. «Бакунизм не система. Это — смешение социалистических теорий латинских стран с русскими крестьянскими «идеалами», народного банка Прудона — с сельской общиной, Фурье — с Стенькой Разиным»³.

Эти определения вполне правильны с теоретической точки зрения. В теоретическом отношении Бакунин не внес ничего нового и не был сторонником какого-нибудь одного философского и революционного направления. Его «теория» состояла из разных утопических мелкобуржуазных «систем», которые ее автор хотел сделать революционной теорией. Но Бакунин запоздал. При наличии революционного учения Маркса, возросшего в Европе рабочего движения социалистические утопии утратили свое былое революционное значение. Их реакционная сторона, выражавшая протест мелкой буржуазии против наступавшего капитализма и пытавшаяся повернуть колесо истории назад, была резко противоположна революционному содержанию учения Маркса, ставшего знаменем нового революционного класса — пролетариата. Поэтому борьба между Марксом и Бакуниным в I Интернационале приняла такие обостренные формы. Для буржуазной капиталистической Европы, в которой пролетариат стал играть заметную политическую роль, бакунизм, как теория, был реакционен.

Нельзя того же сказать про бакунизм в России во второй половине 70-х годов прошлого столетия. В то время в России бакунизм был революционным течением, звавшим революционную молодежь к работе «в народе» для подготовки народного восстания. Несомненно, революционной стороной учения Бакунина следует считать его отношение к восстанию. Он отрицательно относился к восстанию кучки заговорщиков. Восстание он мыслил только как *народное* восстание. Пусть его «учение» при свете сегодняшнего дня будет путанно, противоречиво, местами нелепо, — его революционное практическое значение в истории ре-

волюционного движения в России громадно. Историческая заслуга Бакунина перед русским революционным движением в том, что он практически выдвинул широкие массы обездоленного народа, русское крестьянство, как субъекта истории. И если бы революционная интеллигенция 70-х годов, которую Бакунин призывал на помощь народу, оказалась бы в силах поднять народ, т. е. крестьянство, на восстание, — итоги, конечно, получились бы не те, на которые рассчитывал Бакунин, но это были бы *революционные итоги*. Под напором крестьянской революции потерпела бы крушение *феодалная царская монархия*, и быстрыми шагами Россия пошла бы по капиталистическому («фермерскому») пути развития.

4. Бакунизм в России

Призывы Бакунина, как и призывы Лаврова, встретили самый горячий отклик со стороны революционной молодежи в России. Тысячи юношей и девушек, по преимуществу студентов высших учебных заведений, бросали свои занятия, отказывались от обычного городского образа жизни, иногда от привилегированного положения и, побуждаемые чувством «долга» перед измученным и угнетенным народом, пошли ему на помощь. «В народ» — стало лозунгом «бунтарей», сторонников Бакунина. Революционная молодежь не останавливалась ни перед предстоявшими жертвами, ни перед преследованиями, ожидавшими ее со стороны царского правительства. «Движение это, — пишет С. М. Кравчинский, — едва ли можно назвать политическим. Оно было скорее каким-то крестовым походом, отличаясь вполне заразительным и всепоглощающим характером *религиозного движения*. Люди стремились не только к достижению определенных практических целей, но вместе с тем к удовлетворению глубокой потребности *личного, нравственного очищения*... Тип пропагандиста 70-х годов принадлежит к тем, которые выдвигаются *скорее религиозным*, чем революционным движением. Социализм был его *верой*, народ — *его божеством*... Невзирая на всю очевидность противного, он твердо верил, что не сегодня — завтра произойдет революция, подобно тому, как в средние века люди иногда верили в приближение страшного суда»¹.

«Весною 1874 г., — свидетельствует О. В. Аптекман, — волна революционного пропагандистского движения достигла своей крайней высоты. Кружки и сходки прекратились. Они теперь уже не нужны. Все вопросы решены. Время уже итти в народ... И работа закипела»².

Прокламация бакунистов «К русским революционерам», выпущенная в 1873 г., заявляет: «У нас нет отечества. Наше оте-

¹ Истпарт, «Революция и РКП(б)», т. I, изд. 2-е, стр. 36.

² «Письма Маркса и Энгельса», стр. 267—268.

³ Плеханов, т. II, стр. 320.

¹ С. М. Кравчинский. «Подпольная Россия», стр. 16—17.

² О. В. Аптекман. «Общество «Земля и Воля», стр. 132.

чество — всемирная революция». С таким настроением двинулась молодежь в деревню.

Как же ее встретил «народ»? Таким ли он оказался, как изображал его Бакунин, — готовым к социальной революции, наделенным коммунистическим инстинктом? Послушаем рассказы самих активных участников революционного движения того времени.

«Я начинал «с расспросов» об их деревне, — рассказывает один из активнейших бунтарей А. О. Лукашевич, — нужде, о том, как у них ведет себя начальство, и затем уже приходил к своим заключениям и обобщениям. Но тут я натыкался всякий раз *на одно и то же возражение*: соглашавшийся с моими посылками кологривец делал из них *свой* вывод или подводил свой итог... По этому возражению им приходилось терпеть нужду, обиду и скверное обращение собственно потому, что сами они все поголовно пьяницы и забыли бога»¹. Оказалось, что не стремление к бунту, а вера в бога и царя составляет краеугольный камень «мировоззрения» «народа». Об этом говорят мемуары большинства бунтарей. «От всех, от кого мы слышали «о переделе земли», — рассказывает В. К. Дебогорий-Мокриевич, — мы слышали также, что этот передел должен совершиться по воле царя... Таким образом, царизм являлся в самой тесной связи с земельным идеалом крестьян... Крестьянин предпочитал лучше ждать и надеяться, что наступит, наконец, такое время, когда царь совершит передел земли, как совершил он освобождение от крепостной зависимости»². То же говорит и активнейший участник революционного движения 70-х годов О. В. Аптекман: «Я замечал, что резкие выходы против царя или религии (последних в брошюрах было вообще мало) действовали крайне неприятно на крестьян, также сильно смущали их энергичные призывы к бунту, восстанию»³.

Таким же мифом оказалось и утверждение Бакунина о «коммунистическом инстинкте» крестьянства. Большинство крестьян, с которыми приходилось встречаться и беседовать бунтарям во время их странствования по селам России, относились совершенно равнодушно, а то и враждебно к идее социализма и анархии. «Между нами были пропагандисты, — пишет О. В. Аптекман, — талантливые, ценные, и производили они впечатление, несомненно, глубокое... Не социализм и не анархия, а самые животрепещущие вопросы его повседневно-серой жизни, безземелье и тяготы податей, были всегдашними предметами постоянных и нередко задушевных бесед. И чем талантливее был пропагандист, чем ярче была его речь и остроумнее его сопоставления, тем более он овладевал вниманием слушателей. Но стоило только тому же

пропагандисту перейти на почву социализма, как все совершенно изменялось»¹.

«Мужичок» имел сильное тяготение к зажиточной жизни. Он подозрительно относился и к пропагандисту, если он походил на бездомного батрака, — на последнего он смотрел, как на «пропащего человека», который того и гляди может и обокрасть старательного хозяина. Доверие ему внушали *хозяйственность, домовитость*. Это обстоятельство заставило бунтарей пересмотреть на ходу, в процессе работы ряд бакунистских догматов. «Прежнее догматическое утверждение, — пишет тот же Аптекман, — требовавшее, чтобы революционер отпраплялся в народ в качестве чернорабочего, потеряло свою безусловную силу. Положение человека физического труда признавалось попрежнему весьма желательным и целесообразным, но безусловно отрицалось положение *бездомного батрака*, ибо он никоим образом не мог внушить уважения и доверия крестьянству, привыкшему почитать материальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность»². Пришлось, по словам того же Аптекмана, видоизменить и приемы пропаганды. «Мы пришли к такому заключению, что пропаганду социализма надо если не совсем оставить, то ограничить ее определенными рамками, в пределах, в которых она может еще иметь значение. Это — во-первых, а во-вторых, и это самое важное, чтобы опереться на народ, как на твердый операционный базис революционной деятельности, необходимо боевой лозунг социализма заменить другим, более действительным и родственным народу. Таким лозунгом могут быть только народные требования, назревшие и ищущие разрешения»³.

Удивительно ли, что во второй половине 70-х годов в рядах «бунтарей» наступило разочарование деревенской практикой. По выражению Г. В. Плеханова, «хождение в народ» потеряло в их (бунтарей. — С. Ч.) глазах почти всю свою привлекательность». Сами революционеры того времени склонны были объяснять неудачи «хождения в народ» полицейскими преследованиями. Так, «Народная воля» осенью 1879 г. заявляла, что «при нынешних полицейских условиях работать в народе — значит биться как рыба об лед». Подобное же объяснение дает и один из видных «землеольцев», автор известной брошюры «Общество «Земля и воля», Э. А. Серебряков.

Однако более прав Г. В. Плеханов, который утверждает, что дело не в полицейских репрессиях, которым революционеры подвергались в гораздо большей степени в *городе* при соприкосновении с людьми «из общества», чем в деревне, где царское правительство не сумело еще достаточно хорошо поставить поли-

¹ А. О. Лукашевич. «В народ». «Быль», март 1907.

² Дебогорий-Мокриевич. «Воспоминания».

³ Аптекман. «Общество «Земля и Воля», стр. 170.

¹ Аптекман. «О-во «З. и В.», стр. 179

² Там же, стр. 108.

³ Там же, стр. 71—72.

цейский сыск. «Деятельность в крестьянстве отнюдь не была невозможна; революционеры справились бы с полицейскими препятствиями, если бы их *настроение* продолжало толкать их в деревню. Но в том-то и дело, что во второй половине 70-х годов их *настроение* очень изменилось, и «хождение в народ» потеряло в их глазах почти всю свою привлекательность. Произошло это потому, что деятельность в народе не оправдала тех радужных, можно сказать, *почти ребяческих* надежд, какие возлагались на нее революционерами. Отправляясь в народ, революционеры воображали, что «социальную революцию» сделать очень легко и что она очень скоро совершится: иные надеялись, что года *через два—три*». (Плеханов, Собр. соч., том XXIV, стр. 97).

Но почему же «работа в народе» потеряла в глазах революционеров свою привлекательность? Потому, что «коммунистические навыки» и «общинный дух» крестьянства, которые составляли краеугольный камень в бакунистской теории, оказались на деле мифом. Апеллируя к «коммунистическому инстинкту» общинного крестьянина, революционеры *на деле* наталкивались на *индивидуалистическую* психологию мелкого земельного собственника, которого душила отсталая община и который мечтал о зажиточной жизни крепкого хозяина. В уже цитированном предисловии к А. Туну Плеханов свидетельствует: «Легче восстановить крестьянина против царя, чем убедить его в том, что не надо частной собственности», — говорил на одной из революционных сходок осенью 1876 г. Боголюбов, который был очень опытным и умелым пропагандистом. Другой пропагандист на другой сходке рассказывал, как один крестьянин, убежденный им в необходимости поголового народного восстания и отобрания земли у помещиков, воскликнул однажды с нескрываемым удовольствием: «вот будет хорошо, как землю-то мы поделим! Тогда я принайму двух работников, да как заживу-то!» Подобных рассказов можно было тогда услышать от всякого бывалого пропагандиста великое множество. Общий смысл их был тот, что идеалом русского крестьянина, подавленного гнетом податей и закрепощенного государству, является крестьянин, избавленный от этого гнета и освобожденный от этого закрепощения, но остающийся самостоятельным производителем и даже отчасти предпринимателем, — словом: *мелкий буржуа земледелия*».

Бакунисты, как и все другие народники, хотели войти в одну дверь, а попали в другую. Считая крестьян «врожденными» социалистами и ведя среди них социалистическую пропаганду, бакунисты встречали у них сочувствие не социалистическим идеям, а тем обещаниям изменений в их жизни, которые освободили бы их от закрепощения общине, ликвидировали бы земельную нужду за счет отобрания помещичьих земель и подняли бы его разоряющееся хозяйство. Короче, крестьянство было глухо, — а в массе даже и враждебно, — к идеям социализма, но восприимчиво к идее уничтожения помещичьего землевладения, уничтожения полуфео-

дальных отношений, задерживавших развитие капиталистического, товарного хозяйства.

Это явление, которое было непонятно «бунтарям», находит совершенно ясное объяснение в *действительных* экономических отношениях России того времени. Россия 70-х годов уже вступила на путь капиталистического развития, и крестьянство страдало не столько от развития капитализма, сколько от остатков феодализма (а пресловутая община была составной частью феодальных пережитков), задерживавших рост капиталистических отношений в деревне. Устранение этого тормоза капиталистического развития составляло насущную потребность крестьянства, стремившегося к освобождению своего хозяйства от феодальных пут.

Крестьянство лучше бунтарей понимало свои интересы. Его интересы, «как мелкого буржуа земледелия», лежали не на путях к социализму, а на путях к буржуазно-демократическому развитию. И поэтому, поскольку бакунисты мечтали о *крестьянской* революции, содержание последней могло быть не социалистическим, а буржуазно-демократическим. И если бы совершилось историческое чудо и под влиянием агитации «бунтарей» произошло бы удачное крестьянское восстание, — бакунисты с удивлением увидели бы совсем не те результаты, к которым они стремились: крестьянская революция конфисковала бы помещичьи земли, ликвидировала бы остатки феодальных отношений, создала бы условия для укрепления крестьянского хозяйства, усилила бы в деревне процесс классового расслоения, — словом, расчистила бы путь к капиталистическому развитию.

Как мы выше отмечали, Маркс и Энгельс допускали, что земельная община может стать исходным пунктом развития социализма в России при условии «толчка извне — в изменении экономической системы европейского Запада», т. е. при условии пролетарской революции в Европе.

Но этого «толчка извне» не произошло. Напротив, Маркс рассчитывал, что *толчком* пролетарской революции на Западе послужит революция в России; поэтому, при отрицательном отношении к *теоретическим* воззрениям революционеров 70-х годов, которые он считал детскими, он придавал большое международное значение *деятельности* революционеров 70-х годов, а к народолюбцам он питал горячие симпатии. Маркс надеялся, что даже русским «бланкистам», может, удастся своей террористической деятельностью вызвать крестьянскую революцию в России, — а это обозначало бы, по мнению Маркса, при тогдашней международной обстановке создать возможность для пролетарской революции в передовых капиталистических странах Запада. Однако более вероятной перспективой Маркс считал путь капиталистического развития России. В письме в редакцию «Отечественных записок» (конец 1877 г.) Маркс пишет: «Если Россия стремится стать нацией капиталистической, по образцу западно-европейских

наций, — а в последние годы она немало потрудились в этом направлении, — ей не удастся достигнуть этой цели, не превратив сначала доброй доли своих крестьян в пролетариев, а затем, очутившись однажды на лоне капиталистического строя, она неизбежно попадет под власть его неумолимых законов, как и все прочие грешные народы» («Письма», стр. 310).

Исторического чуда не произошло. Пролетариат в России еще находился в процессе образования и еще не оформился в сознавший свои интересы класс. Он еще не был подготовлен к своей исторической миссии—вести за собой крестьянство в его борьбе против феодализма, — это время наступило лишь через двадцать с лишком лет, к первой революции. Революционной интеллигенции, вопреки «вере» «бунтарей», оказалось не по плечу, конечно, вызвать и возглавить *крестьянскую* революцию, которая, как это показал позднейший опыт русской и других революций, может *сопутствовать* пролетарской революции, находясь под политическим и организационным руководством последней.

«Логика общественных отношений, — говорит Плеханов, — находилась в резком противоречии с логикой «бунтарской» доктрины». Но, оставаясь верным бакунизму, революционеры 70-х годов не могли найти выхода из этих противоречий, не могли вскрыть истинного значения этих противоречащих их учению фактов. «Этих противоречий нельзя было одолеть, не сломав хребта самому бакунизму», — говорит Плеханов.

Однако хребет бакунизма был сломлен не сразу. Процесс изжития бакунизма протекал в форме отдельных отступлений от «догматов» учителя на протяжении многих лет. В совокупности эти отступления пробили основательную брешь в здании бакунизма. Прежде чем окончательно утратить в России свое господствующее положение революционной теории, бакунизм претерпел длительный процесс теоретического распада.

Правильность теории проверяется на практике. Как мы выше отмечали, практика «хождения в народ» не совсем оправдала теории Бакунина. Эта практика нанесла первые удары бакунизму в России, заставив революционеров второй половины 70-х годов пересмотреть ряд бакунистских догматов, которые до того казались «неприкосновенными».

Принято думать, что первый удар «чистый» бакунизм получил на Воронежском съезде осенью 1879 г., что с этой даты начинается распад народничества, что выступление части землевольцев с террористической программой послужило началом раскола некогда единых революционных народников. Однако изучение бакунистской нелегальной литературы, издававшейся в России, приводит к заключению, что процесс ревизии бакунизма начался значительно раньше. В начавшей выходить в России в марте 1878 г. нелегальной газете «Начало» — «органе русских революционеров» — уже заметны первые резкие «уклоны» от доктрины учи-

теля. Наряду с традиционными бакунинскими тезисами об общине¹, об исключительной революционности и анархичности русского народа², о роли революционной молодежи³, пробиваются отступления от догмы Бакунина. Так, в номере первом «Начала» в «Хронике социалистического движения Запада» мы встречаем совсем не бакунинское отношение к германской социал-демократии и ее политической деятельности. Автор приходит в восторг от того, что «особенно замечателен законопроект, представленный рейхстагу социалистическими депутатами под названием закона «защиты рабочих», который значительно улучшает положение рабочих. Куда делось презрительное отношение Бакунина к германской социал-демократии? Куда делось непримиримое отношение Бакунина ко всякой политической борьбе?»

Еще более явным отступлением от доктрины «учителя» следует считать отношение редакции и авторов «Начала» к конституции и политической борьбе. «В ближайшем будущем, — пишет автор передовой № 4 «Начала», — самодержавие так или иначе должно рухнуть, а вместе с ним и старый государственный механизм, построенный на бюрократических началах. Наиболее вероятно, что кризис повлечет за собою чисто политический переворот в конституционном духе, хотя и нет данных и положительно утверждать, что кризис не разрешится общим народным движением. Если события не вызовут общего революционного движения в самом народе, для социалистов политический переворот должен представляться весьма желательным. Во-первых, он подорвет существующий и исторически окрепший государственный механизм, разрушит систему правительственной опеки... и, передав власть в руки купца и землевладельца, поставит народ в открытые враждебные отношения к новому «барскому» правительству. Новое конституционное правительство, если ему суждено возникнуть, не может пустить глубоких корней в народе, не может быть долговечным, не может быть сильным и прочным... Во-вторых, политический переворот, неизбежно внося элемент политической свободы в государственную жизнь, несколько облегчает распространение социальных учений в народе».

Но как бы сознавая, что он далеко отходит от «учителя», автор прибавляет: «При всем желании политического переворота

¹ «По мнению русских социалистов, община, как исторически выработанная форма экономических союзов, заключает в себе выработанные задатки разрушения государства и буржуазного мира» («Начало», № 3, «Народ и государство»).

² «Русский народ, благодаря особым историческим условиям, анархичен: он еще не усвоил себе, подобно другим народам, государственных идей и буржуазных инстинктов» (Там же).

³ «Содействовать народу в дальнейшем развитии: недовольства до-революционного напряжения, критики — до отрицания основ современного общества, и народного мировоззрения — до сознания непосредственных задач социального переворота» (Там же).

социалисты, однако, должны отрешиться от мысли помогать либералам в борьбе за конституцию. В этом случае они должны держаться политики *laisser faire, laisser passer*».

В «Земле и воле», официальном органе сложившейся к концу 1878 г. «социально-революционной партии», мы замечаем дальнейшее развитие ревизии ортодоксального бакунизма. Весьма примечательно, что орган бакунистов не упоминает о своем учителе Бакунине, а строит свою политическую позицию на учении Маркса и Энгельса. Программная статья одного из самых влиятельных теоретиков «Земли и Воли» Г. В. Плеханова «Закон экономического развития общества и задачи социалистов в России», напечатанная в №№ 3 и 4 «Земли и воли», вся построена на социально-политических и экономических воззрениях Маркса. Он разделяет взгляд Маркса, что «общество не может перескочить через естественные фазы» своего развития, когда оно напало на след этого развития. От бакунинского утверждения, что Россия в силу сохранения общины и отсутствия капитализма ближе к социальной революции, чем капиталистический Запад, в статьях Плеханова не осталось и следа. Он устанавливает, так сказать, «паритет» для России и Запада. На Западе, признает Плеханов, капитализм возник и развивается как выражение этого «естественного закона» после распада крестьянской общины, — следовательно, путь к социализму на Западе лежит через капитализм. «Сплачивая большие массы рабочих на фабриках, создавая общие им всем интересы, приучая их к той «социализации труда», на которую указывает Маркс, одним словом, воспитывая в людях социальные привычки, которые были забыты со времени падения общины, индивидуализм рыл сам себе могилу, и нет ничего удивительного в том, что социализм встречает такой радушный прием в местностях крупного машинного производства. Понятно, поэтому, все значение капитализма — этой крайней формы воплощения индивидуализма — в деле приготовления умов рабочих»¹.

В России же дело обстоит иначе. «Пока (курсив наш) за помещельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можем считать наше отечество вступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимой станцией на пути его прогресса»², следовательно, в России путь к социализму лежит через общину.

Едва ли нужно доказывать, что такое толкование Плеханова резко отступает от ортодоксального бакунизма, относившегося вообще к капитализму, как к отрицательному явлению, считавшего общинное землевладение в России большим преимуществом перед капиталистическим Западом в смысле большей близости России к социализму. Это большой шаг вперед по пути преодоления теоретической концепции бакунизма.

¹ Плеханов, т. I, стр. 60.

² Плеханов, т. I, стр. 61.

Нет в органе русских бакунистов «Земля и воля» и того фанатического преклонения перед бунтом и непримиримого отношения к политической борьбе, которые столь характерны для взглядов Бакунина. По отношению к политической борьбе «Земля и воля» сохраняет «нейтралитет»; относясь сочувственно к политической борьбе, к борьбе за политическую свободу, «З. и в.» так же, как и «Начало», придерживается политики *laisser faire, laisser passer*, предоставив эту борьбу либералам.

Таким образом, нельзя согласиться с Г. В. Плехановым, что «взгляды Бакунина сделались учением народников-бунтарей, господствовавшим среди русских революционеров во второй половине 70-х годов прошлого столетия»¹. Напротив, во второй половине 70-х годов взгляды Бакунина о России, под влиянием противоречий между революционной практикой и теорией, уже стали подвергаться пересмотру. Из этого пересмотра, как мы видели, учение Бакунина вышло с значительными изъятиями.

5. «Народная Воля»

Сильнейшим ударом по бакунизму, от которого последний не мог уже оправиться, было возникновение «Народной Воли». Террористическая тактика, которая послужила поводом к расколу на Воронежском съезде, по существу была выражением более глубоких разногласий среди русских революционеров конца 70-х годов. Эти разногласия касались вопроса о политической борьбе. Будущие народовольцы, исходя из того, что «работать в народе это все равно, что биться как рыба об лед», пришли к мысли о необходимости сломить в первую очередь «царский деспотизм».

Уже в № 1 «Народной воли» вопрос о политической борьбе становится обнаженно, — «стыдливая» формула *laisser faire, laisser passer* отбрасывается, как половинчатая. «Нам кажется, — пишет автор передовой в № 1 «Народной воли», — что одним из важнейших, чисто практических вопросов настоящего времени является вопрос о государственных отношениях. Анархические (курсив наш) тенденции долго отвлекали и до сих пор отвлекают внимание наше от этого важного вопроса... Политическая борьба, к которой нас неудержимо приводят все условия русской жизни, вопреки всем предвзятым теориям, была бы еще более популярна, если бы у нас не существовало ходячего предрассудка, что будто бы, участвуя в ней, мы загребаем своими руками жар для других, что результатами победы воспользуются не народ и не социалисты. Мы думаем совершенно наоборот. Именно устранившись от политической деятельности, мы загребаем жар для других; именно устранившись от политической борьбы, мы подго-

¹ Плеханов, т. XXI, стр. 176.

товляем победу для враждебных народу элементов, потому что при такой системе действий просто дарим им власть, которую обязаны были бы отстоять для народа». Отсюда вывод: «Мы уверены, что уже наступает время, когда социалистическая партия встанет против правительственной системы не случайно, а систематически, настойчиво и постоянно, и, разрушая мертвящую и все подавляющую государственную машину, обеспечит народу исполнение его важнейших требований и возможность дальнейшего свободного развития его мысли, его идеалов, его форм общезжития»¹.

Еще более четко определяет задачи революционеров «Н. в.» в № 2: «Ниспровержение существующих ныне государственных форм и подчинение государственной власти народу — так определяем мы главнейшую задачу социально-революционной партии в настоящее время... Передача государственной власти в руки народа в настоящее время могла бы дать всей нашей истории совершенно новое направление и развитие в духе народного общинно-федеративного мирозерцания»².

Народовольцы представляли себе ход революции таким образом, что политическая революция, т. е. свержение самодержавия, развяжет силы народа и толкнет его на «социальный переворот». Народовольцы в своем большинстве остались верны бакунизму в том отношении, что на «народ» продолжали смотреть глазами Бакунина. «В самом народе, — читаем мы в программе Исполнительного комитета, опубликованной в № 3 «Н. в.» от 1/1 1880 г., — мы видим еще живыми, хотя всячески подавленными, его старые традиционные принципы: право народа на землю, общинное и местное самоуправление, зачатки федеративного устройства, свобода совести и слова. Эти принципы получили бы совершенно новое направление в народном духе всей нашей истории, если бы только народ получил возможность жить и устраиваться так, как хочет согласно со своими собственными наклонностями... Поэтому мы полагаем, что, как социалисты и народники, мы должны поставить своей ближайшей задачей — снять с народа подавляющий его гнет современного государства, произвести политический переворот с целью передать власть народу».

Вера в народ не оставляет народовольцев в самый разгар их террористической деятельности. В передовой № 4 «Н. в.» автор пишет: «Всякая инсurreкция наибольшие результаты дает тогда, когда она является только прелюдией к народной революции или ее эпизодом, говоря другими словами — если инсurreкция только дает толчок народной революции... Наиболее производительно затратить силы, организованные партией, мы можем только, направляя их для разрешения, так сказать, народных сил, для превращения народных масс в сознательную, политическую си-

лу». Эта вера в народ особенно усилилась после 1 марта, когда на-смерть перепугавшиеся российские либералы стали впергонку выражать верноподданнические чувства и лягать революционеров. Махнув рукой на либералов и «народолюбцев-реформаторов», автор передовой № 8—9 «Н. в.» (5 II 1882 г.) пишет: «Одновременно с тем, как социально-революционная партия наносит удары правительственной власти, в народе все более и более пробуждается ненависть к привилегированным правящим сословиям и настойчивые стремления к радикальному изменению экономических отношений. Такое выгодное соотношение политических и экономических факторов на русской почве позволяет нам с большой вероятностью надеяться, что когда революционная организация будет в силах произвести политический переворот, народ сумеет совершить революцию в экономической сфере, и захватившему власть временному революционному правительству придется лишь санкционировать экономическое равенство, отвоеванное народом у его вековых угнетателей и эксплуататоров».

Какими же силами народовольцы предполагали произвести политический переворот в России? Если народ неспособен произвести социальный переворот, так как он прижат самодержавием, если *сначала* кто-то должен свергнуть самодержавие, чтобы развязать революционные силы народа, то кто же этот «кто-то», который свалит самодержавие?

Биограф А. И. Желябова — самого выдающегося представителя и руководителя «Н. В.» — Л. Тихомиров так описывает ход его мыслей.

«Социально-революционная партия не имеет своей задачей политических реформ. Это дело должно бы всецело лежать на тех людях, которые называют себя либералами. Но эти люди у нас совершенно бессильны и, по каким бы то ни было причинам, оказываются неспособными дать России свободные учреждения и гарантии личных прав. А между тем эти учреждения настолько необходимы, что при их отсутствии никакая деятельность невозможна. Поэтому русская социально-революционная партия принуждена взять на себя обязанность сломить деспотизм и дать России те политические формы, при которых возможна станет «идейная борьба». В виду этого мы должны остановиться, как на ближайшей цели, на чем-нибудь таком, достижение чего давало бы прочное основание политической свободе и стремление к чему могло бы объединить все элементы, сколько-нибудь способные к политической активности» («Андрей Иванович Желябов»).

Такая постановка вопроса, не разрешая скрытых противоречий бакунизма, однако обнажила их — в этом громадная заслуга «Н. В.». Как и бакунизм, «Н. В.» *противопоставляла* политическую борьбу социализму. Бакунизм старался обойти это противоречие отказом от политической борьбы, «Н. В.» пыталась разрешить это противоречие чисто механически.

Сначала, дескать, борьба за свержение самодержавия, а *потом*,

¹ «Н. в.», № 1, передовая.

² «Н. в.», № 2, передовая.

после победы над самодержавием, «идейная борьба», то есть борьба за социализм. Что именно так себе представляли дело народовольцы, показывает заявление Желябова на Воронежском съезде, что «революционеры должны оставить теперь всякую мысль о классовой борьбе», а в ответ на возражения, что, следовательно, придется революционерам отказаться и от поддержки стачечного движения, Желябов заявил: «Стачечник ведет двоякую борьбу: он ведет классовую борьбу с фабрикантами и политическую борьбу — с полицией, и я буду поддерживать его именно потому, что он борется с последней». Этот отказ от классовой борьбы, т. е. от основы революционного социализма, диктовался необходимостью сплочения всех противников самодержавия. Этой ценой народовольцы хотели привлечь на сторону революции либеральную буржуазию.

Но от отделения (по представлению народовольцев — «временного») политической борьбы от социализма первая не переставала быть классовой. Отказ (хотя бы «временный») от социализма обозначал лишь отход от позиций пролетариата и беднейшего крестьянства на позиции буржуазии. Поскольку «русская революция представлялась ему (Желябову. — С. Ч.) не исключительно в виде освобождения крестьянского или рабочего сословия, а в виде политического возрождения всего русского народа вообще» (из брошюры Л. Тихомирова «Андрей Иванович Желябов»), поскольку для осуществления этого народовольцы стремились к сплочению всех сил общества и отказывались от представительства интересов эксплуатируемых классов, — они становились по содержанию своих идей *буржуазными* революционерами. Этого факта не могли скрыть ни революционный радикализм «Народной Воли», ни привычная бакунистская социалистическая фразеология. И недаром наиболее последовательный сторонник бакунистского утопического социализма — Г. В. Плеханов — с протестом покинул Воронежский съезд, на котором будущие народовольцы впервые развивали свои новые идеи¹.

Следует, однако, отметить вполне справедливое мнение Ленина, что «не в том состояла ошибка народовольцев, что они постарались привлечь к своей организации всех (курсив Ленина) недобровольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием». «В этом, — говорит Ленин, — состоит, наоборот, их великая историческая заслуга. Ошибка же их была в том, что они опирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией, и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества» (Ленин — «Что делать?», т. IV, стр. 464).

¹ Разумеется, этими взглядами не исчерпывается история партии «Народная Воля»; но в практической работе народовольцев, притом в самую героическую эпоху ее деятельности, эта установка была основной.

Героическая борьба «Народной Воли», как известно, потерпела крушение. Разочаровавшись в «работе в народе», народовольцы возложили свои надежды на поддержку «общества», т. е. буржуазии. Но эти надежды оказались преувеличенными. Российская буржуазия оказалась политически дряблой и неподготовленной к свержению полуфеодальной монархии. Даже в 90-х годах, когда капиталистическое развитие в России сделало заметные шаги вперед, Г. В. Плеханов должен был констатировать, что рабочий класс выступил на политическую арену *раньше* буржуазии. Таким образом, народовольцы были поставлены в необходимость совершить буржуазную революцию без «народа» и без буржуазии. Вся тяжесть борьбы легла на плечи многочисленных революционеров-героев, которые решились произвести революционный переворот своими силами, — «без народа», но «для народа». Отсюда *террористическая* тактика народовольцев и идея «захвата власти».

«Народная Воля» своей попыткой «обойти» историю не преодолела противоречий, в которых запуталось революционное движение 70-х и начала 80-х годов. Для их преодоления необходимо было полностью отказаться от бакунистских предрассудков и заняться *изучением действительных политических и экономических* отношений, упорно прокладывая путь в полуфеодальной России, и на базе этих новых отношений построить теорию и практику революционного социалистического движения.

Для этого необходимо было, по выражению Ленина, «связать свое движение с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества», т. е. встать на классовую точку зрения.

Эту работу проделали не народовольцы, остановившиеся на полпути, а группа революционеров, во главе с Г. В. Плехановым, разошедшихся с народовольцами, оставшихся на Воронежском съезде верными догме Бакунина и образовавших группу «Черный Передел». Пересмотр старых позиций занял три года, и со ступеньки на ступеньку эта группа «чернопередельцев» поднялась на вершину *научного социализма*, «перебив окончательно хребет бакунизму». В результате этого «ревизионизма» возникла первая социал-демократическая организация в России — Группа «Освобождение труда».

6. „Черный Передел“ и зарождение русского марксизма

Противники марксизма в России — тогда и позднее — «ехидно посмеивались, что русский марксизм, дескать, родился за границей и оттуда искусственно перенесен на русскую почву, — намекая этим на то, что Группа «Освобождение труда» возникла за границей и организована Г. В. Плехановым с товарищами в эмиграции. Однако эта легенда разбивается фактами истории возникновения Группы «Освобождение труда». Основатели Группы «Осво-

бождение труда» не были случайными, новыми людьми в русском революционном движении, — это были активнейшие, имевшие долгий опыт революционной работы в России «землеvolьцы», эмигрировавшие за границу, спасаясь от преследований царского правительства. За границей они получили возможность (этому, конечно, содействовало изучение западно-европейского рабочего движения и литературы научного социализма) критически проанализировать свой опыт революционной работы в России. «За границей, — говорит Плеханов, — только были подведены итоги тому, что было сделано и узнано нами в России. Во всем нашем проекте программы русских социал-демократов, написанном в 1883 и напечатанном в 1885 году, нет ни одной строчки, которая не имела бы в виду того или другого «проклятого вопроса» нашей революционной практики и которая не опиралась бы прежде всего на указания этой практики» (Плеханов, т. XXIV, стр. 92).

Но этот процесс пересмотра бакунистской идеологии, «бунтарской» практики и критического анализа народоvolьчества продолжался довольно долго. Бакунистская догма слишком крепко въелась в русское революционное движение, и от нее не так легко и быстро можно было отделаться. Эволюция от «Черного Передела» к Группе «Освобождение труда» — это путь медленного отхода от бакунизма к марксизму, от народничества к социал-демократии, — путь, сопровождавшийся колебаниями, оговорками, но, в конечном счете, приведший к полному отказу от старых бакунистских позиций.

Г. В. Плеханов, бывший одним из самых блестящих теоретиков «землеvolьчества», выгодно отличался тем, что уже в землеvolьческую эпоху он себя считал сторонником учения Маркса и Энгельса. Он разделял взгляд Маркса, что «общество не может перескочить через естественные фазы» «своего развития, когда оно напало на след естественного закона этого развития» («Земля и воля», № 3, 15 января 1879 г. — «Закон экономического развития общества». Плеханов. Собр. соч., том. I, стр. 59). Но признавая это положение, Плеханов тут же спасает бакунистские позиции. «Значит, покуда общество не напало еще на след этого закона, обусловленная этим последним смена экономических фазисов для него необязательна» (там же). На Западе, признает Плеханов, капитализм возник и развивается, как выражение этого «естественного закона», после падения крестьянской общины. В России же дело обстоит не так. «Пока за поземельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можем считать наше отечество вступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимой станцией на пути его прогресса» (там же). Здесь Г. В. Плеханов стоит еще обеими ногами на почве бакунизма. Но вот, ровно через год, в № 1 «Черного передела» (15/I 1880 г.) Г. В. Плеханов пробивает первую брешь в традиционных воззрениях бакунизма. «Прежде всего ну-

жно обратить свои усилия на разрушение ныне существующего в нашем отечестве государственного строя», — бросает он лозунг. И еще ярче он выражает эту мысль в № 2 «Черного передела» (2/IХ 1880 г.). «Конечно, не нам, отрицающим всякое подчинение человека человеку, оплакивать падение деспотизма в России; не нам, которым борьба с существующим режимом стоила таких страшных усилий и стольких тяжелых потерь, желать его продолжения. Мы знаем цену политической свободы и можем пожалеть лишь о том, что русская конституция отведет ей недостаточное широкое место. Мы приветствуем всякую борьбу за права человека, и чем энергичнее ведется эта борьба, тем более мы ей сочувствуем» (Плеханов. Собр. соч., т. I, стр. 125).

В вопросе о значении земельной общины в этом же номере «Ч. п.» Г. В. Плеханов начинает испытывать некоторые сомнения. У него уже явно отсутствует былое воинственное настроение. «И если грозе социального переворота, — пишет он, — суждено предупредить значительные изменения в общественном строе России — главный интерес этого переворота сосредоточится на вопросе аграрном. Но пока мы делаем свое дело, русская промышленность также не стоит на одном месте. Нужда отрывает крестьянина от земли и гонит его на фабрики, на заводы. Рядом с этим центр тяжести экономических вопросов передвигается по направлению к промышленным центрам» (Плеханов, т. I, стр. 131). Это еще не марксизм, но это «отступление в порядке» от основных позиций бакунизма. Признание политической борьбы, развития капитализма, количественного роста пролетариата, признание последнего революционной силой, как класса, — было смертельным ударом для бакунизма и шагом вперед по пути к марксизму. В письме в редакцию «Ч. п.» в № 3 (январь 1881 г.) Плеханов окончательно сжигает за собой бакунистские мосты, выражая социал-демократические мысли, правда, народническим еще языком. «Социализм есть теоретическое выражение с точки зрения интересов трудящихся масс антагонизма и борьбы классов в существующем обществе. Вытекающая из него практическая задача революционной деятельности заключается в организации рабочего сословия, в указании ему путей и способов его освобождения. Исполнение этой задачи невозможно помимо деятельности не только для народа, но и в среде его» (Плеханов, т. I, стр. 134).

По вопросу о политической борьбе Плеханов в том же письме высказывает мысли, не оставляющие сомнения в том, что он окончательно отошел от бакунизма. В письме в редакцию «Черного передела» Плеханов пишет: «Поэтому задача «Ч. п.» может считаться оконченной лишь тогда, когда вся русская социалистическая партия признает главной целью своих усилий создание социально-революционной организации в народной среде, при чем требование политической свободы войдет, как составная часть, в общую сумму ближайших требований, предъявляемых этой ор-

ганизацией правительству и высшим классам. Другую часть этих требований составят насущные экономические реформы, в роде изменения податной системы, введения правительственной инспекции на фабриках, сокращения рабочего дня, ограничения женского и детского труда и т. д.» (Плеханов, т. I, стр. 135 — 136).

Достаточно сопоставить эти слова «ученика» Плеханова с презрительным отношением Бакунина к политической борьбе и социальным реформам, чтобы отпало всякое сомнение, что ученик покинул своего учителя.

Итак, уже в начале 1881 г. Плеханов и группа «Ч. П.» окончательно отошли от основных положений бакунизма и вплотную подошли к марксизму. В 1882 г. Плеханов делает дальнейший шаг. В предисловии к русскому изданию «Коммунистического манифеста» он уже выступает как определившийся марксист и социал-демократ. С высот марксизма он делает первую вылазку на «два фронта» — народофильства и бакунизма. «Манифест» может предостеречь русских социалистов от двух одинаково печальных крайностей: отрицательного отношения к политической деятельности, с одной стороны, и забвения будущих интересов партии — с другой. Люди, склонные к первой из упомянутых крайностей, убедятся в том, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая» и что отказываться от активной борьбы с современным русским абсолютизмом значит косвенным образом его поддерживать. С другой стороны, «Манифест» показывает, что успех борьбы каждого класса вообще, а рабочего в особенности, зависит от объединения этого класса и ясного сознания им своих экономических интересов. «От организации рабочего класса и непрерывного выяснения ему враждебной противоположности его интересов с интересами господствующих классов зависит будущность нашего движения, которую, разумеется, невозможно приносить в жертву интересам данной минуты». (Плеханов, т. I, стр. 151). Вместе с тем он констатирует, что «русское социалистическое движение не ограничивается уже пределами того слоя, который принято называть учащеюся молодежью, мыслящим пролетариатом и т. п.», и что, «несмотря на все преследования правительства, тайные социалистические организации рабочих (курсив наш) не только не разрушаются, но принимают все более широкие размеры».

Необходимо, однако, отметить, что в это время Плеханов не дает еще развернутой системы марксизма в его применении к русским экономическим условиям. Он осторожно обходит вопрос о судьбе русской общины и капиталистическом развитии России и ограничивается заявлением, что «рациональное отношение наших социалистов к особенностям русского экономического строя возможно лишь при правильном понимании западно-европейского общественного развития». Какие это «особенности русского экономического строя», — этот вопрос Плеханов оставляет открытым, возможно, потому, что в это время чернопердель-

цы, ведшие с народолюбцами переговоры, не теряли надежды объединиться с ними на марксистской платформе. Систематическое изложение марксистских воззрений в их применении к России Плеханов дает позднее, в первых программных работах Группы «Освобождение труда» — «Социализм и политическая борьба» и особенно в брошюре «Наши разногласия».

7. Рабочее движение и рабочие организации в 70-х годах

Если крестьяне, которых бакунисты считали «врожденными коммунистами», оставались глухи к социалистической пропаганде «бунтарей», то последняя уже тогда умела некоторые успехи среди рабочих. «Наши «бунтари» возлагали свои надежды на крестьян, которых они считали прирожденными коммунистами. Пролетариат промышленных центров интересовал их лишь постольку, поскольку он мог помочь сохранить или восстановить связь с деревней. Те же элементы его, которые всецело утратили эту связь, представлялись им чисто отрицательным общественным явлением — печальным продуктом разрушения старых экономических «основ» народной жизни. Но деревенский «прирожденный коммунист» оставался глух ко всем революционным призывам, между тем как промышленный пролетариат уже тогда охотно к ним прислушивался. Так произошло то, что люди, считавшие своей исключительной задачей вести агитацию среди крестьянства, с удивлением увидели, что серьезные успехи они могут отметить только среди рабочих. Логика общественных отношений и здесь находилась в резком противоречии с логикой «бунтарской» доктрины» (Плеханов, том XXIV, стр. 177).

Бунтари, верные учению Бакунина, не вдумывались в это явление и старались объяснить его большей развитостью городского рабочего. А между тем в основе этого противоречия лежали громадные экономические сдвиги, которые изменили экономическое лицо России, но которые оставались незаметными для революционеров того времени. Бакунисты были убеждены, что в России нет капитализма и что насаждение его чисто искусственное, что никаких изменений в экономике страны не произошло. На деле капитализм, особенно промышленный капитализм, двигался вперед быстрыми шагами. Достаточно привести несколько цифр, чтобы в этом убедиться.

Основными показателями роста промышленного капитализма является рост числа предприятий, особенно крупных, рост числа рабочих, особенно концентрации их на крупных предприятиях, рост промышленной продукции, особенно на крупных предприятиях.

Если сравнить статистические сведения 1866 г. и 1879 г., то получается разительная картина быстрого роста и перестройки нашего отечественного капитализма¹:

¹ Ленин, т. III, стр. 397.

Группы фабрик по числу рабочих	1 8 6 6				1 8 7 9			
	Число фабрик		Число рабочих	Сумма производства в тыс. руб.	Число фабрик		Число рабочих	Сумма производства в тыс. руб.
	Всего	Из них паров. двиг.			Всего	Из них паров. двигат.		
А) С 100—499 рабочих . . .	512	204	109.061	99 830	641	354	141.727	201.542
В) С 50—999 рабочих . . .	90	68	59.867	48.359	130	119	91.887	117.830
С) С 1000 и более рабочих	42	35	62 801	52.877	81	76	156.760	170.533
Итого	644	307	231.739	201.066	852	549	390.374	489.905

Итак, мы видим, что в течение 70-х годов, т. е. в то время, когда бакунизм пользовался наибольшим успехом в России, число фабрик с числом рабочих от 100 человек увеличилось почти на одну треть, а число фабрик с числом рабочих от 1000 человек (т. е. крупных) почти вдвое; число рабочих на этих предприятиях увеличилось больше чем на $\frac{2}{3}$, а число рабочих на крупных предприятиях в $2\frac{1}{2}$ раза; удельный вес числа рабочих на крупных предприятиях увеличился с 27% до 40%; если принять число рабочих на предприятиях с числом рабочих 100—499 за сто, то на крупных предприятиях (от 1000 рабочих) было в 1866 г.—60, в 1879 г.—110, т. е. на крупных предприятиях (а их всего 10% всех предприятий) больше рабочих, чем на мелких и средних. Сумма продукции промышленных предприятий увеличилась почти в $2\frac{1}{4}$ раза, при чем продукция крупных предприятий увеличилась почти в 3,3 раза.

О чем говорят эти данные? Они говорят о том, что капитализм у нас в 70-х годах развивался «нормальным» порядком на базе роста крупной промышленности и концентрации пролетариата на крупных предприятиях. Это обозначало, что капитализм создает благоприятные объективные условия для превращения пролетариатурирующихся масс крестьянской бедноты, устремлявшихся под влиянием разорения в промышленные центры, в класс.

В то время как революционеры-народники обращались с проповедью социализма и с призывом к социальной революции к крестьянству, развертывалось молодое рабочее движение, корнями вросшее в новую экономику, в капитализм. Пролетариат в России, на который бакунисты еще недавно смотрели как на отрицательное явление русской жизни, стал играть заметную обще-

ственную роль. Продолжая воспевать общину, бакунисты в своем органе «З. и в.» не могли пройти мимо учащавшихся фактов стачечного движения, принимавшего ярко классовый характер. Так в №№ 2 и 3 «З. и в.» появились корреспонденции (Плеханова) с Новой бумагопрядильни, из бумагопрядильной фабрики Кенига, в которых автор подробно описывает житье-бытье рабочих и стачки на этих фабриках. В № 4 «З. и в.» появляется длинный обзор рабочего движения — «Волнения в среде фабричного населения» (автор Плеханов). Автор обзора, подводя итоги стачечного движения на фабриках района Обводного канала, пишет: «Еще недавно масса смотрела на «политических», как на «изменников» и «бунтовщиков»; некоторые не сильные в мышлении люди видели в этом проявление ее здравого смысла. Теперь масса знает, что называется бунтом на языке предрезающих властей; она знает, что в числе «политических» есть и ее люди, которые пострадали за «общее», «правое» дело»¹.

В своей известной статье «Закон экономического развития общества («Земля и воля» № 4) Плеханов, учитывая опыт стачечного движения рабочих в России, ставит перед революционерами задачу — перенести центр тяжести революционной работы в среду рабочих. «Вопрос о городском рабочем принадлежит к числу тех, которые, можно сказать, самую жизнь самостоятельно выдвигают вперед на подобающее место вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей. В прошлом, не без некоторого основания, мы обращали все свои надежды, употребляли все свои усилия — на деревенскую массу. Городской рабочий занимал второстепенное место в расчетах революционеров, ему посвящалась, можно сказать, только сверхштатная часть сил. В городе пропаганда велась между делом, в минуты, когда деревня почему-либо была недоступна для пропагандиста, и велась притом исключительно с целью выработать из городского рабочего пропагандиста для деревни же. Такое отношение к делу, естественно, исключало возможность как настойчивой систематической пропаганды, так и в особенности организации городских рабочих, и в настоящее время дает себя чувствовать очень плачевными результатами. Городской рабочий, несмотря на сравнительную незначительность затраченных на него сил, проникся идеями социализма в довольно сильной степени. Теперь уже трудно встретить такую фабрику или завод или даже сколько-нибудь значительную мастерскую, где нельзя было бы найти рабочих-социалистов. Но как ни отродны подобные явления, они, однако, лишаются огромной доли своего значения, когда мы начинаем ближе присматриваться к положению этих спропагандированных рабочих в среде их товарищей. В течение минувшего года мы видели несколько крупных стачек на разных фабриках и заводах. Где в это время были наши социалисты, какую роль играли они в этих дви-

¹ Плеханов, т. I, стр. 55.

жениях? Почти никакой. Иногда о них вовсе не было слышно, в тех же случаях, когда они пытались действовать, влияние их оказывалось совершенно ничтожным. И это вполне понятно. Наши рабочие-социалисты даже между собой не связаны, не организованы. «Северный союз» представляет первую попытку организации. До последнего же времени рабочие-социалисты были разбиты на мелкие кружки, задававшиеся почти исключительно целями самообразования, имевшие иногда кассы, библиотеки и в практической деятельности не шедшие дальше пропаганды¹.

Правда, необходимость усилить революционную работу в рабочей среде Плеханов обосновывает бакунистскими аргументами: «это не оторванная от крестьянства масса, а часть того же крестьянства». Но важно то, что Плеханов приходит к выводу: «Наши городские рабочие, одинаково с западными, составляют самый подвижной, наиболее удобовоспламеняющийся, наиболее способный к революционизированию слой населения»².

Пред лицом новых фактов революционные народники, потерпевшие крушение в своей пропаганде в деревне, направили свои силы в среду рабочих. В столицах и промышленных центрах они стали организовывать рабочие кружки, — и именно среди рабочих пользовалась успехом их социалистическая пропаганда. Но при соприкосновении с городскими рабочими революционные народники попадали в новый круг противоречий. Обращаясь к городским рабочим, как к случайно попавшим в город крестьянам, они на деле встречались лицом к лицу с классом *новой капиталистической формации*, который в гораздо большей степени интересовался *новыми* классовыми отношениями капитализма, чем *старыми* деревенскими отношениями. Городскому рабочему были более близки вопросы заработной платы, рабочего времени, его житье-бытье на фабрике, донимающие его штрафы, чем вопросы, связанные с земельными отношениями. Красочно об этом рассказывают и Плеханов в своем «Русский рабочий в революционном движении» и большинство мемуаристов из среды революционных народников 70-х годов. Примечательно, что передовые рабочие, прошедшие «выучку» в народнических кружках и пропитанные бакунистской «догмой», в своих выступлениях говорили пролетарским языком. Достаточно хотя бы вспомнить речь на суде ткача Петра Алексеева, вышедшего из кружка Софьи Бардиной.

Но наиболее замечательным явлением 70-х годов следует считать возникновение чисто рабочих организаций — «Южно-российского союза рабочих» (1874 г.) и «Северно-русского рабочего союза» (1878 г.). Сквозь толщу бакунистских предрассудков, которыми проникнуты еще организаторы последнего союза, так и прет классовое сознание пролетариата. Наряду с бакунистскими и прудонистскими идеями федерализма, общины и ассоциаций «Сев-

¹ Плеханов, т. I, стр. 67.

² Там же, стр. 69.

рус. рабочий союз» заявляет, что он, «тесно примыкая по своим задачам к социально-демократической партии Запада, ставит своей программой: ниспровержение существующего политического и экономического строя, как строя крайне несправедливого», и выдвигает ряд демократических требований и экономическую «программу-минимум». И недаром за эту «ересь» против правоверного бакунизма организаторы «Сев.-рус. рабочего союза» подверглись нападкам на страницах № 4 «Земли и воли». Правоверные бакунисты особенно были смущены тем, что «Сев.-рус. рабочий союз» ставит перед собой актуальную задачу — *борьбу за политическую свободу*. Ответ (в № 5 «З. и в.»), который получили авторы статьи № 4 «З. и в.» от организаторов «Сев.-рус. рабочего союза», полон пролетарского классового сознания и, я бы сказал, сарказма по отношению к бакунистской догме. «Ведь, собственно говоря, если мы разбираем какое-нибудь суждение, то нам нужно обратить внимание только на то, есть ли в нем логика, а не на то — из чьих мыслей и слов это суждение... Наша логика в данном случае коротка и проста. Нам нечего есть, негде жить — и мы требуем себе пищи и жилища; нас ничему не учат, кроме ругательств и подпалочного подчинения, — и мы требуем изменения этой первобытной системы воспитания. Но мы знаем, что наши требования так и останутся требованиями, если мы, сложив руки, будем взирать с умилением, как наши «державные» и другие хозяева распоряжаются нашими животами и пускают деревенских собратьев по миру. И вот мы сплываемся, организуемся, берем близкое нашему сердцу звание социального переворота и вступаем на путь борьбы. Но мы знаем также, что политическая свобода может гарантировать нам и нашу организацию от произвола властей, дозволит нам правильное развивать свое мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды, — и вот мы, ради сбережения своих сил и скорейшего успеха, требуем этой свободы, требуем отмены разных стеснительных «положений» и «уложений»¹.

«Северный союз русских рабочих» охватил около 200 рабочих (цифра для того времени значительная), руководил забастовками, выпускал для прокламации и отпечатал № 1 своей газеты «Рабочая заря», арестованный при самом его выходе. Он пал под ударами полицейских репрессий, а главный его организатор, выдающийся рабочий, Степан Халтурин, перешел к террористической деятельности в рядах «Народной Воли».

Однако рабочий класс и рабочее движение, раз выступившие на историческую арену, уже не могли быть сброшены со счетов. Никакие «догмы» не в силах были заставить революционеров пройти мимо рабочего класса и рабочего движения. «Нар. Воля», бросившая почти все свои силы в террористическую борьбу, уделяла, однако, внимание и деятельности среди рабочих. При

¹ «Земля и воля», № 5.

партии «Н. В.» были организованы «рабочие группы». В статье «Подготовительная работа партий», опубликованной в «Календаре «Народной Воли», задачи работы среди рабочих формулированы в следующих выражениях: «Среди рабочих должна вестись пропаганда: а) социалистических идей, б) политического переворота. Рядом с этим должна идти организация рабочих, имеющая целью сплотить их, развить в них сознание единства и солидарности интересов». Народовольцы выпускали (вышло 6 номеров) специальную «Рабочую газету», выходящую до самого разгрома партии «Народная Воля».

Рабочее движение и рабочие организации 70-х годов сыграли громадную роль в деле разложения бакунизма в России. Самый факт «признания» бунтарями и народовольцами «важного значения», которое имеет «городское рабочее население для революции» (из статьи «Подготовительная работа партии») был ударом по бакунизму в России. Дело оставалось только за тем, чтобы перевернуть формулу: не рабочие «имеют значение» для революции, а наоборот, — революция имеет значение для рабочего класса.

Но этой работой уж занялась пришедшая на смену бакунистам и народовольцам первая социал-демократическая организация в России — Группа «Освобождение труда».

8. От народничества к марксизму

Революционное движение в России нашло разрешение долго терзавших его противоречий в *марксизме и социал-демократии*.

Марксизм и социал-демократия явились теоретическим и практическим ответом на основные вопросы революционного движения 70-х и начала 80-х гг., запутавшегося в безысходных, казалось, противоречиях. Имевший наиболее практическое значение вопрос об отношении политической борьбы к социализму, решавшийся и «бунтарями» и народовольцами в смысле их *противопоставления* (хотя и в разных направлениях), получил блестящее разрешение в основном принципе марксизма: «всякая классовая борьба есть борьба политическая».

В русских условиях того времени это значило — отказ от теории «особых путей» экономического развития России, признание капиталистического пути развития и *рабочего класса*, как основной, движущей силы революции. В теоретическом отношении это значило — отказ от утопического социализма, идеализма и субъективизма, господствовавших в течение десятилетий в среде русских революционеров, и обоснование социалистического движения в России теорией исторического материализма, теорией Маркса и Энгельса. Задача, которую взяли на себя первые русские социал-демократы, была нелегкой при «упорной предубежденности огромного большинства тогдашних русских революционеров

против всего того, что связано было с именем социал-демократии»¹.

Но идеи марксизма, раз возникши, несмотря на все трудности и предубеждения, медленно, но упорно прокладывали путь в России, завоеывая одну позицию за другой, ибо эти идеи являлись отражением реальных общественных отношений, складывавшихся в России: капитализм, а вместе с ним и все растущее *рабочее движение*, становились неоспоримыми фактами русской экономики и общественной жизни.

Заслуга распространения и развития марксизма в России в 80-х годах и первой половине 90-х гг. всецело принадлежит первой русской соц.-дем. организации — Группе «Освобождение труда».

Чтобы покончить с вопросом о возникновении социал-демократии в России и к нему в дальнейшем не возвращаться, необходимо остановиться на вопросе о том, какое наследство она получила и ассимилировала от предшествующей эпохи русского революционного движения. Этот вопрос, поднятый покойным Н. К. Михайловским, горячо дебатировался в литературе 90-х годов. В народническом журнале «Русское богатство» (1897 г.) Н. К. Михайловский бросил обвинение марксистам в том, что они «не желают состоять ни в какой преемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наследства». По цензурным условиям того времени под словом «наследство» и «прошлое» следовало понимать революционное движение 70-х годов. В свое время это заявление Михайловского получило достойную отповедь в статье В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?» В. И. Ленин называет эти «ходячие фразы» об «отказе русских учеников»² от наследства, о разрыве их с лучшими традициями лучшей передовой части русского общества, о перерыве ими демократической нити «плохой выдумкой». Ленин отдает должное *революционному народничеству 70-х годов*, называя «крупной исторической заслугой народничества» *практическую постановку* вопроса о революции в России. «Вполне естественно и понятно, что народничество, дав (какое ни на есть) решение этих вопросов, заняло *тем самым* (курсив Ленина) передовое место среди прогрессивных течений русской общественной мысли». В этом отношении, в части продолжения революционной борьбы, именно соц.-дем., а не эпигоны народничества — эти мастера «малых дел», сохранили преемственную связь с революционным народничеством 70-х годов. «Но решение этих вопросов народничеством оказалось никуда не годным, основанным на отсталых теориях, давно уже выброшенных за борт Зап. Европой, основанным на романтической и мелкобуржуазной критике капитализма, на игнорировании крупнейших фактов русской истории и действи-

¹ Плеханов. «Первые шаги с.-д. движения в России», т. XXIV, стр. 174.

² Под словами «русские ученики» в легальной прессе того времени подразумевались соц.-демократы.

тельности. Покуда развитие капитализма в России и свойственных ему противоречий было еще очень слабо, эта примитивная критика капитализма могла держаться. Современному же развитию капитализма в России, современному состоянию наших знаний о русской экономической истории и действительности, современным требованиям, от социологической теории народничество безусловно не удовлетворяет» (Ленин, т. II, стр. 323).

С этими высказываниями Ленина согласуется и точка зрения Плеханова, основанная на непосредственном опыте. Говоря о «наследстве», Плеханов признает, что оно «было очень важно, — и даже совершенно незаменимо, — в смысле *практического опыта* (курсив Плеханова), частью приобретенного нами самими во время нашей *народнической деятельности*, частью завещанного нам социалистами первой половины того десятилетия»... «Но в теоретическом отношении семидесятые годы давали нам чрезвычайно мало, так как «наследство», завещанное нам ими, оставляло совершенно незаполненной ту пропасть, которая отделяла «русский социализм» бакунинского или лавровского оттенка от *научного социализма* Западной Европы и которую, однако, необходимо было заполнить для того, чтобы вывести нашу революционную мысль из тупого переулка» (Плеханов, т. XXIV, стр. 91—92. «Предисловие к русскому изданию книги А. Туна»).

Путаницу в этот вопрос внес в свое время Ю. Невзоров (т. Ю. Стеклов). В своей брошюре «Отказываемся ли мы от наследства?» он пытается найти элементы марксизма в теориях предшественников. Это привело его к целому ряду ошибочных утверждений. Так, по Невзорову выходило, что лавризм был «первоначальным русским марксизмом», что «чернопердельцы» «определенно стояли на марксистской точке зрения». Но прав Плеханов, который говорит, что «отличие русского марксизма» от «русского социализма» всевозможных оттенков состоит в том убеждении, что «Россия не может перескочить через капитализм, который уже сделался в ней господствующим способом производства». «Но, — продолжает Плеханов, — именно этого-то убеждения и не было у Лаврова до самого конца его литературной деятельности. А кроме того... по своим историческим взглядам Лавров был несравненно ближе к идеалистам, чем к материалистам, между тем как марксизм необходимо предполагает *материалистическое объяснение истории*. Правда, в сочинениях Лаврова иногда можно встретить решительное признание *исторического материализма*, но это признание находится в вопиющем противоречии с его историческими идеями, и самая возможность его объясняется просто-напросто тем, что в своем взгляде на историю, как и во всех прочих своих взглядах, Лавров был *эклектиком до конца ногтей*» (Плеханов, т. XXIV, стр. 87).

Так же неверно утверждение Ю. Невзорова, что «чернопердельцы» «определенно стояли на марксистской точке зрения». Выше мы достаточно убедительно доказали, что «чернопердель-

цы» были еще далеки от того, чтобы «стоять на определенной марксистской точке зрения», но они несомненно *приближались* к марксизму. Но это *приближение* к марксизму достигалось постольку, поскольку они *разрывали* с бакунинской теорией, т. е. поскольку *отказывались от старого теоретического наследства*.

Правильно будет сказать, что русский марксизм возник из исторической необходимости *правильно разрешить те практические* революционные задачи, которые были поставлены революционным движением 70-х годов. Первые русские социал-демократы не только *не отказались* от этих задач, но именно только они одни и взяли на свои плечи разрешение этих задач. «Работать в народе и для народа», — что ставили во главу угла своей революционной деятельности землевольцы, — и политическая борьба с целью свергнуть самодержавие, — что составляло основное содержание деятельности «народовольцев», — эти задачи, по существу правильно поставленные, но неправильно решавшиеся предшественниками, получали теоретическое и практическое разрешение в *новой* для России теории и революционной практике — в *марксизме и социал-демократическом движении*, начало которым было положено в 1883 г. Группой «Освобождение труда».